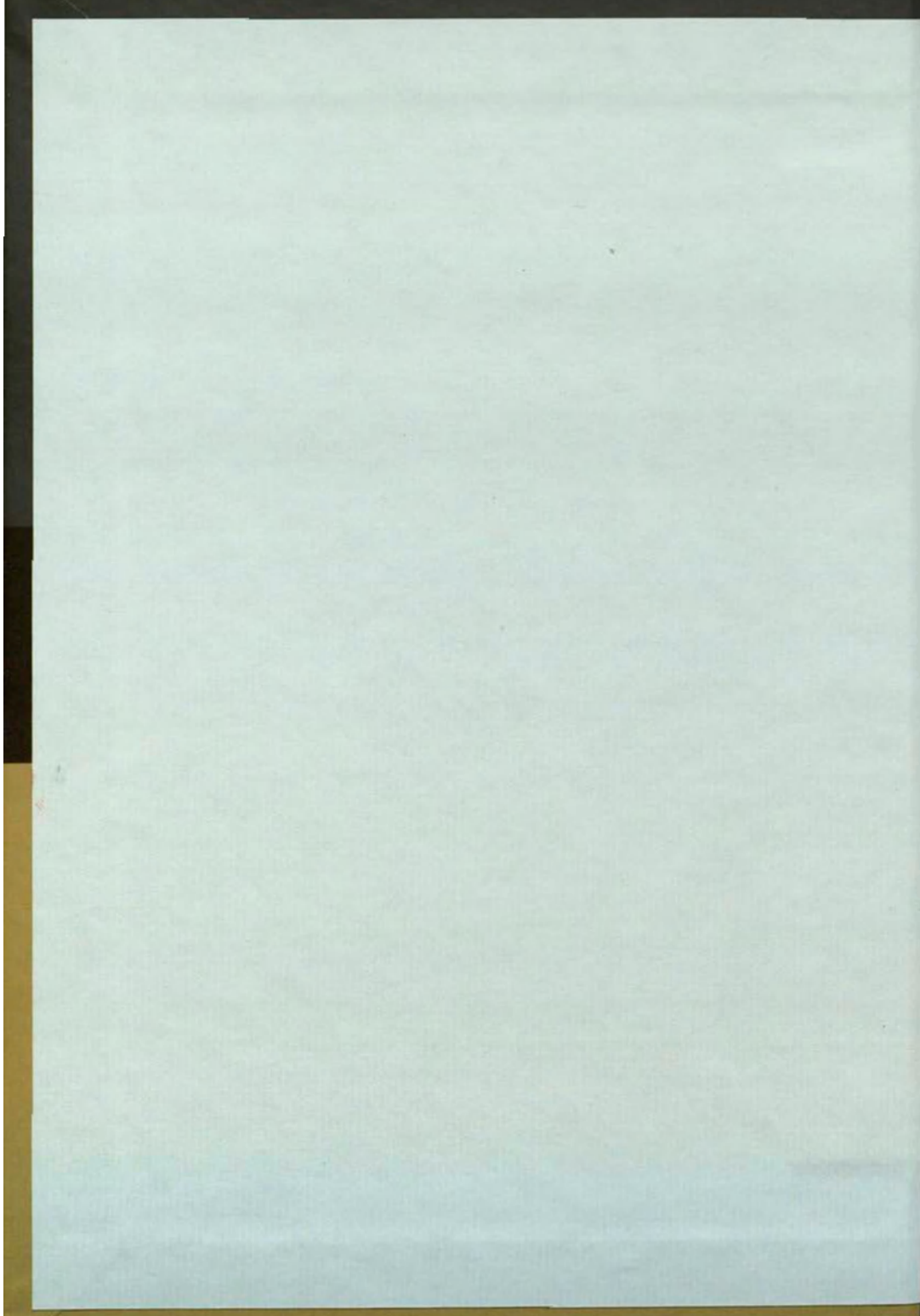

55.3)
Б30

Бахиллов В.В.

Дорога
К НЕФТИ

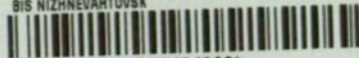

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

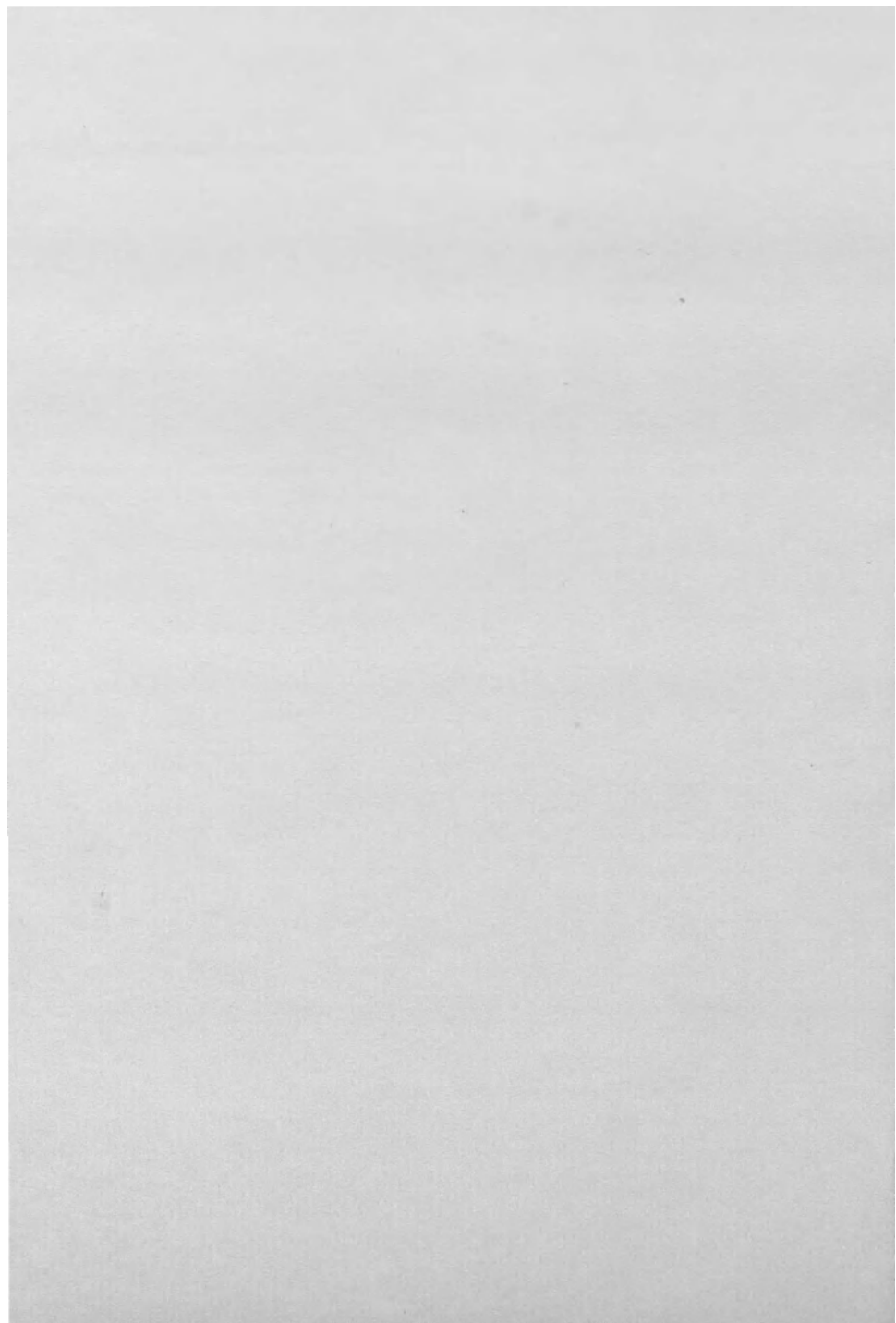
**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА**

Коллич. пред. выдач. _____

BIS NIZHNEVARTOVSK

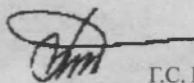

4864181060

1 мая 2015 года исполняется 95 лет со дня рождения Бахилова Василия Васильевича, Героя Социалистического Труда, почётного гражданина Ханты-Мансийского автономного округа - Югры, участника Великой Отечественной войны, наставника молодёжи в самые трудные годы работы на Всесоюзной ударной стройке. Эта книга «Дорога к нефти» переиздаётся для молодого поколения и истории того времени, для потомков, внуков и правнуков по просьбе ветеранов войны и труда Ишима, Нижневартовска, Тюмени, Совета ветеранов комсомола города Нижневартовска в память о Бахиллове Василии Васильевиче.

Депутат Тюменской областной Думы,
первый секретарь Нижневартовского
городского отделения КПРФ,
заместитель председателя совета ветеранов
комсомола города Нижневартовска

Г.С. Шустова

к 63.3(253.3)
Б30

В. БАХИЛОВ

ДОРОГА К НЕФТИ

НИЖНЕВАРТОВСКОЕ
МБУ «БИС»
инв. № 198360/3-5-10

Нижевартовск
2015

ВИЖУ СВОЙ ТРУД!

В одном современном спектакле довольно нетипичная героиня - первый секретарь райкома, - настаивая на том, что партийная работа - это профессия, говорит: «Партийный работник - это призвание». В знак согласия я поднимаю обе руки. Да, да и да! Пусть это не ново, пусть мне возразят, что и учитель, и врач - тоже призвание. В конце концов, было бы вовсе неплохо, если бы повсюду люди трудились по доброй воле и желанию. Но для партийной работы это качество самое важное и определяющее. Нам приходится встречаться со многими людьми. У них разные профессии, характеры, судьбы. Мы не можем быть в одно и то же время и геологами, и нефтяниками, и строителями, и врачами, и учителями. Но - непреложная истина - мы должны уметь понять горести и радости, тревоги и заботы тех, кто работает в геологии, строительстве, народном образовании - всюду.

Не первый год по утрам я спешу к зданию, над которым колышется на ветру красный флаг. Сначала это был райком партии, потом горком, а теперь вот окружком. В мелькании будней, разъездов, заседаний, собраний и не заметил, как подошёл юбилей: исполнилось двадцать пять лет моей партийной работы.

Так всегда бывает: живёшь, над чем-то думаешь, что-то делаешь, куда-то торопишься и не видишь, как идут годы. Кажется, совсем недавно я ничего не умел, бегал советоваться к Рудакову, а вот уже и сам наставляю молодых, и мне есть чем с ними поделиться, опыт накопился солидный. И всё это хорошо, но хочется иногда наедине с самим собой пораскинуть, как говорится, мозгами, поразмышлять над такими, казалось

бы, и несложными, но извечными вопросами: а как ты работал, полностью ли использовал свои силы, сделал ли то, что хотел и мог, не упустил ли чего? Пробегут в голове чередой эти вопросы, и захолонет в груди. Из прожитого не вернуть ни часа, сделанное - сделано. Ты сам себе строгий судья, сам должен вывести оценку. Никто тебе не в силах помочь, да и не пойдёшь с такими вопросами даже к лучшему другу.

Настало и для меня время оглянуться назад. И сразу я пожалел, что не существует на свете весов, на которых можно было бы взвесить мой труд. Строитель любит выстроенный дом, врач - выздоровевшим пациентом, писатель - рождённой им книгой. А мы, партийные работники, что должны считать мерилем нашего труда? Трудно ответить однозначно, даже невозможно. Но всё-таки ответить надо.

В.И. Ленин не раз подчёркивал, что главное в партийной деятельности - подбор и расстановка кадров, а также контроль за их работой. Пожалуй, для успешного осуществления на практике ленинских положений сам партийный работник должен обладать суммой положительных человеческих качеств. На мой взгляд, - пусть не покажется это банальным! - ему нужно любить людей. Партийный работник создан для человека. Главная цель, назначение и его высший идеал - служение людям. Хозяйственники тоже трудятся для людей. Но есть одна существенная особенность, отличающая партийного деятеля, - он каждую проблему и каждое явление обязан видеть шире и глубже, в сложном взаимодействии с другими. Для строителя, скажем, запоздание эшелона с кирпичом - потеря времени, средств, срыв графика. Партийный работник, кроме того, должен видеть и социальные последствия этого, и моральный урон от простоя. Его забота - люди.

Интересы дела требуют от нас, партийных работников, безупречной честности, справедливости, принципиальности, а также умения всегда быть беспощадным к тем, кто нарушает закон, берёт от государства больше, чем даёт ему. Когда в райком или горком партии приходит на приём человек, я знаю, что привело его отнюдь не праздное любопытство, а нечто наболевшее. И надо быть чутким и внимательным, выслушивая его, кем бы он ни был - рабочим, художником, домохозяйкой. Каждый из них надеется и верит, что здесь он найдёт взаимопонимание и помощь. Бездушие, высокомерие, невнимательность, грубость навсегда оттолкнут его. Никогда не забываю говорить об этом с молодёжью, идущей нам на смену.

Абсолютное большинство людей верит работникам нашей партии. В этом убеждаешься каждый день и час, когда приносят люди на суд всевозможные вопросы, вплоть до глубоко личных. И тут дело решают чуткая беседа, помощь или в выделении квартиры, или в устройстве ребёнка в ясли, или улучшение морального климата на предприятии, где трудится человек.

И ещё одно качество необходимо партработнику - он должен поддерживать прогрессивное, передовое. Но поддерживать не просто одобрением, а умением добиться того, чтобы передовым опытом овладели массы.

Взять хотя бы опыт содружества буровой бригады Георгия Петровича Ерёмкина и вышкомонтажной бригады Героя Социалистического Труда Александра Георгиевича Тимченко. Два бригадира-коммуниста пришли к выводу, что неразумно разделять труд вышкомонтажников и буровиков. Раньше было так: пока вышкомонтажники до последнего болта не возведут буровую, буровики на неё ни ногой. Теперь традиционная привычка отметалась напрочь. Буровики приступали к бурению, не дожидаясь вышкомонтажников, демонтаж буровой и перевозку её в другое место осуществляли сообща. Результаты нового метода сказались неза-

медлительно. Производительность труда повысилась не только в бурении, но и в вышкостроении. Широкое внедрение почина Ерёмина - Тимченко на предприятиях Главтюменьнефтегаза явилось основой достижения в восьмой пятилетке многими буровыми бригадами проходки 40-60 тысяч метров. Первыми заметили и оценили прогрессивное начинание работники Сургутского горкома КПСС. Почин одобрили на бюро и обязали все партийные комитеты буровиков и вышкостроителей внедрять метод бригад Ерёмина и Тимченко. Сейчас этот метод известен не только в Сургутском и Нижневартовском районах. Его одобрили в ЦК КПСС, Министерстве нефтяной и газовой промышленности, он распространён по всей стране.

Или такой случай. Пришёл в Нижневартовский горком партии заслуженный строитель республики Григорий Кравчук и сказал:

- Первое июня на дворе, а для нашей детворы не построена новая школа. Мы посоветовались с ребятами из бригады и решили, что в состоянии за полтора месяца сложить её (вместо одиннадцати по нормам). Словом, за нами задержки не будет.

В горкоме не могли оставить без внимания такое заманчивое предложение, тем более, что знали цену слов Кравчука.

- А что вам потребуется для этого? - спросили его.

- Нужны два крана. И бесперебойное обеспечение кирпичом, раствором.

На том и договорились. Горком партии взял строительство школы под свой неусыпный контроль. В результате пятнадцатого июля бригада закончила кладку всех четырёх этажей. Можно было её завершить и пораньше, но два-три раза работа приостанавливалась из-за несвоевременной подвозки кирпича и раствора, на что работники горкома быстро реагировали, принимая экстренные меры. Как только сложили первый этаж, его заполнили штукатуруры и отделочники, так они и поднима-

лись след в след за каменщиками. Двадцать пятого августа ключи от сверкающей новизной школы строители вручили её директору, а первого сентября торжествующая детвора вошла в классы.

Вспоминается и встреча с секретарём партийной организации специализированного автохозяйства Анатолием Афанасьевичем Пономарёвым. В городе тогда создалось трудное положение в строительстве объектов соцкультбыта, под угрозой срыва находился ввод в строй котельной и детского сада. И всё по причине задержки с вывозом грунта. Анатолий Афанасьевич предложил:

- Если поговорить с шофёрами, - а у нас восемьдесят шесть коммунистов, - то каждый согласится после окончания работы сделать по две-три ходки дополнительно.

В горкоме КПСС оценили деловое предложение Л.А. Пономарёва и незамедлительно откликнулись на него: в автохозяйстве организовали открытое партийное собрание, в нём приняли участие работники аппарата горкома, представители заказчика. Они обратились к водителям машин с просьбой оказать помощь строителям. Те откликнулись и взяли обязательство: вывезти в течение трёх летних месяцев пятьдесят тысяч кубометров грунта. Но доброму начинанию шофёров спецавтохозяйства суждено было расти и расширяться. Партийные организации других городских автохозяйств нашли возможность поддержать его. И в результате вместо пятидесяти тысяч кубометров грунта вывезли триста двенадцать тысяч. А это обернулось новыми кварталами жилья, детскими садами, школами.

Я отношу себя к профессиональным партийным работникам. Но и в беседах с молодыми я призываю их стремиться

к профессионализму. Прав ли я? Быть может, всё-таки нет такой профессии? Её не приобрести в вузе, на неё не назначают, а избирают, раньше на один год, теперь на два. И всё же существует в нашей стране профессия - партийный работник.

Каков же современный профессиональный партийный работник? Как правило, это высокообразованный человек, за его плечами теперь обычно два вуза, один из которых - Высшая партийная школа или Академия общественных наук. Когда я начинал работу в Ишимском горкоме партии, то в аппарате встречались люди с четырьмя классами образования, но это были большевики ленинской школы, самоотдаённо отдававшие себя партийному делу, использовавшие любую возможность для самообразования. И сегодня, несмотря на хорошее образование, партийный работник ни один день, ни один час не может не работать над собой, не повышать свою профессиональную подготовку, идейно-политический уровень.

Он должен постоянно быть в курсе событий в стране и за рубежом, а также у себя в районе, понимать их и уметь объяснить людям.

Партийный работник - воспитатель. Значит, его нравственный облик должен быть примером. Ему необходимы знания многих наук, но особенно психологии. Без неё работать с людьми трудно. Ведь приходится постоянно бывать среди них - на стройках, буровых, в общежитиях, общаться с представителями всех поколений. И необходимо знать кадры, особенно в ведущих отраслях народного хозяйства района, знать тех, кто стоит во главе организаций, знать как можно большее число людей не шапочно, а по-настоящему. Иметь в виду сильные и слабые стороны их характеров, чтобы найти к человеку подход и добиться определённого результата.

Отдав партийной работе самые лучшие годы, я не каюсь, что выбрал такую долю, и испытываю удовольствие от дела, которому служу. Очень бываю доволен, когда удаётся помочь людям. Приятно становится на душе от того, что сознаёшь: есть твоё участие в хороших изменениях, произошедших в последнее время. А жизнь людей становится всё краше - бесспорно! Но запросы их неумолимо растут, предъявляя к нам новые и новые требования.

Мы часто употребляем понятие «стиль работы» - термин, отражающий взаимоотношения людей в любом коллективе и «по горизонтали» (сотрудники - коллеги), и «по вертикали» (руководитель - подчинённые). И если эти взаимоотношения во многом регламентированы законом, инструкциями и т.п., то стиль и характер их зависят очень часто от личных качеств людей. В стиле выявляется разница между добрым человеком и добреньким, твёрдым и жестоким, организованным и «заорганизованным» (бюрократом).

Каковы сегодня требования к стилю партийного руководства? Прежде всего, стоит заметить, что он не может быть кабинетным. Чиновничий стиль несовместим с партийной работой. Я признаю только такой стиль: находиться среди людей, видеть их и уметь оценить в практической работе, строго спрашивать с них в случае халатного отношения к делу.

Для партийного работника, например в условиях Тюменского Севера, одной из важных задач является создание нормального быта. Взять хотя бы организацию питания в буровых и лесосечных бригадах, сейсмортиях, находящихся далеко в тайге. Мы ведём беспощадную борьбу с теми, кто срывает это важное дело. Если бригада осталась без обеда - ЧП!

Помню, во время войны у нас кто-то рассказал о беседе маршала Тимошенко с одним солдатом.

Маршал спросил:

- Что решает исход боя?

- Харч, - ответил солдат, не моргнув глазом.

Для наших первопроходцев сейчас это очень актуально, ведь они тоже ведут битву, битву за освоение богатств тайги и тундры.

В практике партийной работы всегда должен осуждаться стиль администрирования. Партийный работник - не директор, который может, издав приказ, вознаградить добро и покарать зло. Партийный работник пользуется методом совета и убеждения. Возьмём вопросы даже сугубо производственного характера. Как мы их решаем? Обращаются к нам, например, руководители предприятий с жалобой: крайне мало техники, оборудования. Помочь может только соответствующее министерство. И приходится, заручившись поддержкой обкома партии, ЦК КПСС, убеждать министерство или ведомство в необходимости расширения поставок механизмов, пока вопрос не решится окончательно. Министерства, как правило, идут нам навстречу.

Часто от коллег приходится слышать, что сегодня с людьми стало труднее работать. Что ж, отчасти это верно. Люди теперь более грамотны, у многих вузы за плечами, они читают и говорят на иностранных языках, свободно ориентируются в сложной международной обстановке, более сознательны. Говорить с ними «сверху вниз» просто нельзя. Запросы образованных людей стали намного выше. Чтобы найти контакт с ними, партийный работник обязан быть отлично осведомлён обо всех без исключения вопросах внутривозрастной и политической жизни. И тогда работать с людьми не трудней, а легче.

Вся моя «партийная биография» накрепко связана с Тюмен-

ским Севером, с его людьми: геологами, нефтяниками, газодобытчиками, лесорубами, строителями, вышкомонтажниками. Вместе с ними я горжусь теми колоссальными изменениями, что произошли здесь в последние 10-15 лет. Среди непроходимых болот поднялся лес буровых вышек. Сургут и выросший на пустом месте Нижневартовск - столица Самотлора - стали крупными промышленными центрами страны. Здесь могут найти своих земляков представители почти всех национальностей Советского Союза. Русские, украинцы, татары, башкиры, азербайджанцы, казахи, ханты, манси, чеченцы, белорусы - все они осваивают Сибирь, достают из недр её богатства. Здесь вершатся сотни судеб, сливающихся в судьбу поколения интернационалистов, самоотверженных борцов за коммунизм. И необходимо добавить, что поколение это - молодое. Благодаря его труду всё более возрастает доля Тюменского Севера в союзной добыче нефти и газа. Молодость Родины не может сегодня обойтись без этого сурового края, как не могла обойтись без Магнитки, Днепрогэса, Комсомольска-на-Амуре. Она нашла здесь то живое дело, на котором может проверить и проявить себя. И уже проявляет! Качается нефть, прокладываются трубопроводы, строятся железные дороги, возводятся жилые кварталы в северных городах. Так увековечиваются молодость, энтузиазм, энергия сотен юношей и девушек.

А всё-таки схитрил я, кажется, в начале своего рассказа, сказав, что не виден наш труд, труд партийных работников. Виден! Новые промыслы, дороги, линии электропередачи, города, аэропорты, связывающие их со всей страной, - вот что встало среди топей и болот. И не наблюдателями, а активными участниками этих преобразований являются десятки и сотни моих коллег.

ПОЧЁТНАЯ ГРАМОТА

Всякий раз, когда у меня появляется несколько незанятых дней, я приезжаю в Ишим. Это город моего детства, здесь до сих пор живут родственники. В тридцатые годы, когда я бегал по его улицам мальчишкой, меня, как и всех моих друзей, захлестнула волна увлечения спортом. Мы росли и закалялись в острых состязаниях, в упорной борьбе на стадионах, лыжных дорожках, в стрелковых тирах. След этих задорных дней - физическое здоровье - я несу через всю жизнь. В жестокие морозы и промозглую слякоть оно охраняет меня от болезней. Но самое значительное - спорт отточил мой характер, воспитал такие качества, как бодрость духа и упорство, жизнерадостность и целеустремлённость.

Больше всего мне нравился футбол. Улица наша называлась Заимка и упиралась в зеленеющую ковром травы площадку, громко называвшуюся «стадион». Здесь мы с друзьями с утра до вечера гоняли мяч, учились бить по самодельным воротам, истошно вопили: «Го-о-л!» и от радости устраивали кучу малу. Увлекательнее игры для нас не существовало. Футбол, как считали мы, предназначен для сильных и ловких, и потому изо всех сил стремились стать такими. На взрослых футболистов мы смотрели с уважением и завистью. В нашем доме жил молодой парень, Тихон Савичев. Он играл за «Спартак». На каждый очередной матч я молча шагал рядом с ним и таскил его чемоданчик - бутсы, щитки и прочие атрибуты футболиста. Если же он пытался взять у меня что-то, я обижался, потому что уж очень хотелось чувствовать, что я немного нужен Тихону, этому настоящему, на мой взгляд, футболисту.

Моим родителям (отец был железнодорожным рабочим, а мать - домохозяйкой) и родителям сверстников наше увлечение пришлось по душе. Часто после работы они приходили на «стадион» болеть за нас, когда мы сражались с командами других районов города. Однажды пронеслась весть, что «стадион»

кто-то собирается закрыть, на пустыре затевалось строительство. Отчаянию нашему не было предела. И тогда родители поддержали нас: написали какую-то бумагу и ходили с ней по инстанциям, пока не отстояли «стадион».

В школе, куда мне настало время идти, я тоже занимался спортом. Очень полюбил уроки физкультуры, которые вёл у нас талантливый педагог Василий Алексеевич Перфирьев. Он закончил Ленинградский институт им. Лесгафта, страстно увлекался спортом. Однажды на соревнованиях в Свердловске он на перекладине «крутил солнце», подвернул руку и сорвался. Был повреждён позвоночник. В тяжёлом состоянии Василия Алексеевича привезли в одну из московских клиник. Там он узнал, что в этой же клинике лечится Николай Островский. Они познакомились, не раз беседовали. Тогда и были писателем сказаны слова, которые Перфирьев запомнил на всю жизнь: «Несмотря ни на что, ты должен посвятить себя спорту. Иди в школу, учи детей, и твой труд будет оплачен сторицей».

Оправившись после нескольких операций, Василий Алексеевич приехал в Ишим, чтобы работать преподавателем физкультуры. Всей душой стремился он передать нам хотя бы частичку своей любви к спорту. И это ему удавалось. Мы любили физкультуру, любили и уважали нашего Василия Алексеевича. Некоторые его ученики стали впоследствии известными всей стране спортсменами. Среди них можно назвать Бориса Шахлина, гимнаста, неоднократного чемпиона мира.

Особенно усердно готовил нас Василий Алексеевич к большим соревнованиям. Шла борьба за честь быть включённым в команду, и нельзя было ни опоздать, ни тем более пропустить тренировку. Так у меня и у моих товарищей вырабатывались дисциплинированность и потребность в занятиях. Забросить спорт мы уже не могли.

С 1934 по 1940 годы мне часто приходилось участвовать в районных, областных и зональных соревнованиях. Но во все-союзных - никогда! И вот 1940 год. Новосибирск избран местом всесоюзных соревнований по лёгкой атлетике. Со всей страны съехались сюда сильнейшие спортсмены. Как я мечтал оказаться рядом с ними! У меня была «коронка» - дистанция на 1500 метров. В Ишиме я пробежал её быстрее всех. Дома уже накопилась целая пачка всевозможных грамот. Но мне хотелось померяться силой на всесоюзных соревнованиях. Я упорно тренировался, стремясь попасть в Новосибирск. Нако-нец меня зачислили в команду.

В Новосибирск приехали за полночь. Разместились в гости-нице, но уснуть я не мог. Сказывалось волнение: утром - нача-ло соревнований, мой забег. Дома, я знал, тоже волнуются. Ду-малось, нельзя их подвести. Представлялся завтрашний день. Что он принесёт? Уж очень мне хотелось победить! Утром, од-нако, встал бодрым, готовым к борьбе. Противников своих я знал. Сильные были ребята, но это меня только раззадоривало. И вот старт. Я сжал кулаки, чтобы исполнилось моё желание, - было у нас в детстве такое поверье. Сразу же вперёд вырвался паренёк в голубой майке. Всю дистанцию я бежал рядом с ним, стараясь не отставать. Так мы и пришли к финишу, он чуть впе-реди, я за ним. И всё же это моя победа! Ура-а-а! Остальные бегуны пришли много позже. На всю жизнь я запомнил своё рекордное время - 4 минуты 1 секунда.

Самую желанную почётную грамоту я привёз домой. Наша семья жила дружно. Отец никогда не пил, и скандалов у нас не происходило. Ни ему, ни матери не удалось в своё время получить образование, но они старались, чтобы мы с сестрой выучились, хотя это было нелегко. Василий Павлович и Прасковья Семёнов-на воспитывали в нас трудолюбие, справедливость, честность.

Они были людьми общительными, соседи их уважали. Меня и Валентину родители любили, гордились нашими успехами в школе, моими - в спорте.

После окончания восьмилетки я поступил в Алапаевский гидрогеологический техникум, с третьего курса которого был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии. Попал на Дальний Восток, в зенитную батарею.

Сначала я был рядовым, потом командиром орудия и помощником командира огневого взвода. Службе моей суждено было надолго затянуться: здесь я узнал о начале войны, здесь же и воевал. В один из самых тяжёлых дней 1942 года подал заявление о вступлении в партию, хотелось быть в первых рядах защитников Родины.

Лишь в 1946 году я вернулся в родной Ишим. Передо мной встал мучительный вопрос: куда пойти работать? В эти дни у меня произошла встреча с заведующим орготделом Ишимского горкома партии Дмитрием Ивановичем Богомоловым. Он-то и посоветовал мне пойти председателем президиума по работе среди молодёжи Ишимского многопромышленного союза - была раньше такая должность. После того, как я проработал здесь год, причём довольно успешно, меня снова вызвал Дмитрий Иванович. Спросил:

- Как ты смотришь на то, что мы возьмём тебя в аппарат горкома инструктором? Подумай!

Я подумал и согласился. Дмитрий Иванович привёл меня к первому секретарю Ишимского горкома ВКП(б) Дмитрию Варфоломеевичу Рудакову. Мы долго беседовали, и он дал «добро».

Три года я работал инструктором горкома. Часто приходилось бывать в партийных организациях депо, отделения дороги,

завода автоприцепов, заниматься вопросами организации партийной работы, роста рядов партии, воспитания комсомольцев.

* * *

В 1950 году Центральный Комитет партии предложил Тюменскому обкому укрепить национальные округа молодыми партийными кадрами. Я тоже стал ждать вызова. Мне было 30 лет. Я уже женился, и у нас с Людмилой родился первенец Володя. Что я знал тогда о Севере? Морозы, медведи - вот, пожалуй, и все. Это немного пугало, да ещё я слышал, что те, кого уже приглашали в обком, отказывались уезжать. Но тут мои товарищи Лёня Нагорнов и Павел Сергиенко загорелись Севером. Они пришли ко мне и предложили:

- Давай махнём вместе!

Мы отправились к Рудакову, но нам было сказано, что мы нужны и в Ишиме. Однако не прошло двух дней, как раздался звонок из Тюмени. Меня вызывали в обком. Я спешно собрался и выехал. С вокзала - сразу на бюро, которое шло, несмотря на поздний вечер. В приёмной ожидало несколько человек. Не успел я осмотреться, как распахнулась дверь, и из кабинета выбежал парень, которого я встречал в Ялуторовске. Щёки его пылали, глаза блестели. Мы едва поняли, что с ним: он отказался ехать на Север... и лишился партбилета.

Сразу же после него вызвали меня. Я вошёл в большую комнату, за столами сидело много людей, но я не успел их разглядеть. Председательствующий - с ходу:

- Есть предложение послать Бахилова в распоряжение Ханты-Мансийского окружкома партии.

Все единогласно проголосовали, а мне тут же объявили, что я свободен.

Из обкома я направился на вокзал. На перроне купил свежую газету. Когда развернул её в поезде, увидел таблицу вы-

игрышей по займу и вспомнил, что мы с женой покупали облигации. Но дома оказалось не до таблицы: обсуждали предстоящее «путешествие». Лишь утром, собираясь на работу, я заметил газету.

- Люда, принеси-ка облигации, - попросил я жену.

Когда сверили номера, оказалось, что мы выиграли пять тысяч. Обрадовались неописуемо. Трудновато нам жилось тогда, ничего сверх самого необходимого у нас не было. Вот и использовали выигрыш на покупку модной никелированной кровати и ещё кое-каких вещей, нужных молодой семье. Потом собрали свои пожитки в кучу, увязали и приготовились к дальней дороге, в неизвестные необжитые края. К слову сказать, жена приняла известие о моём назначении без лишних слёз и причитаний, только беспокоилась, как бы не застудить в дороге малыша.

В Ханты-Мансийский округ вместе с нами направлялось ещё семь человек. Среди них был Николай Иванович Чапаев, родственник прославленного героя. Он вёз с собой мешок чеснока - мы опасались цинги (потом оказалось, что этого чеснока на Севере в магазинах полно). Ехал с нами и Валентин Солнцев, работавший раньше инженером в отделении дороги. Он был молод, женился перед самым отъездом и свой «медовый месяц» проводил на пароходе. Всего в национальные округа обком направил восемнадцать человек.

...Наконец прибыли в Ханты-Мансийск. Стоял сентябрь. Шёл дождь со снегом. Деревянные домишки смотрели уныло. Со всех сторон к ним подступала тайга, угрюмая и, как нам казалось, неприветливая.

На пристани нас встретили заместитель заведующего орготделом окружкома партии Надежда Ивановна Агафонова и шофёр окружкома Леонид Прокопьевич Садовников. На полуторку сгрузили вещи, поехали. Нужно было перевалить через

гору. Стояла непролазная грязь. Машины то и дело застревали. Но мы взобрались сразу - шофёр позаботился и надел на колёса цепи. В гостинице нам устроили небольшую встречу, тёплую и по-северному гостеприимную.

Наутро мы собрались в окружке партии, началось распределение. Мне сказали:

- Вам предлагаем место заведующего отделом партийных, комсомольских и профсоюзных организаций Сургутского райкома КПСС.

Я только спросил:

- Где это?

- 360 километров на восток по Оби, - был ответ.

Пробыв в Ханты-Мансийске ещё несколько дней, мы с семьёй последним пароходом отправились в Сургут. По истечении полутора суток причалили к небольшой пристани. Нас ждали. На берегу стояли работник райкома партии и известный мне по прежней работе Иосиф Прокопьевич Соколов. Как оказалось, его двумя месяцами раньше направили редактором районной газеты. Увидев его, я удивился и обрадовался: хоть один знакомый человек есть! Обнялись, поздоровались. В это время подкатила подвода.

- Вот, пожалуйста, располагайтесь, - развёл руками райкомовский конюх Иван Васильевич Богданов. - Я семнадцать секретарей на своём веку встретил. Они меняются, а я работаю.

Мы засмеялись.

К вечеру подвода доставила нас до райкома. Отвели кабинет - ночуйте. Сразу же организовали чай, молоко для ребёнка. На новом месте спалось плохо. Встал я рано, но в райкоме уже был Игнатий Фомич Беженцев, первый секретарь райкома КПСС. Мы познакомились. Он сказал:

- Завтракайте. Да пойдём хату выбирать.

Предложили нам два дома на выбор. Один был просторнее,

но мы с Людмилой выбрали тот, что поменьше и, как нам показалось, уютнее. В тот же день мы переселились, расставили вещи по углам, присели. Вижу, супруга моя загрустила: электричества нет, лишь лампы керосиновые. Дров, картошки, мяса тоже нет, а начинало уже подмораживать. Да, поневоле вспомнишь родной и обжитый Ишим! Но нас, конечно, не оставили без помощи, и мы зиму встретили, как полагается.

Загадывал ли я, что буду работать в Сургуте 20 лет? Честно говоря, нет. Но «заболел» Севером надолго. А потом развернулись вокруг такие дела, пришла такая круговерть событий и проблем, что ничего интереснее нельзя было и придумать. Так до декабря 1970 года я работал в Сургуте.

ПОКА НЕ НАШЛИ НЕФТЬ

В 1950 году всё население Сургута состояло из пяти тысяч человек - лесники, рыбаки-колхозники, «ямщики» и рабочие рыбоконсервного завода. Посёлок делился на две части с разрывом почти в три километра. Западная называлась Сургутом, а восточная - Чёрным Мысом. На Мысу располагался колхоз «Верный путь». От электростанции рыбозавода сюда было подведено электричество, в самом же Сургуте пользовались керосиновыми лампами. Средствами передвижения служили зимой олени, лошади, а летом - катера, пароходы.

В командировки мы ездили «по верёвочке». Вот что это такое. В Сургуте располагался гужтрест: тысяча лошадей и четыреста человек штата. Платишь за каждый километр пути рубль и получаешь ямщика с упряжкой. Километров через

двадцать на почтовом «станке» лошадь меняли. И снова - двадцать-тридцать километров - «полный вперёд». Был у райкома и свой «вездеход» - жеребец Загар. В дальнюю дорогу одевались тепло: поверх шубы и валенок - меховые пимы (топоры) и тулупы (кумыш). Порой приходилось ночевать в снегу, а это не шутка в сорокаградусные морозы.

Пятидесятые годы шли в напряжённом труде. В центре внимания райкома партии стояли вопросы развития лесной и рыбной промышленности. Год от года планы увеличивались. Мы часто выезжали к лесорубам, по две-три недели проводили в командировках в поисках резервов увеличения производительности труда. В тогдашних условиях это давалось с большим трудом. Заготовка леса производилась вручную - поперечными и лучковыми пилами. Вывозили сваленные деревья на лошадях. Ни единого трактора, ни единой бензопилы! Кроме кадровых рабочих леспромхоза заготовкой занимались и колхозники. В середине ноября они выезжали на лесоучастки и работали там до апреля. Областной комитет партии и трест «Тюменьлес» поощряли перевыполнение планов, награждали передовиков ценными подарками: ружьями, приёмниками, мотоциклами.

В рыбной промышленности тоже преобладал ручной труд. Лов шёл сетями, малыми неводами. Однако Сургутский район считался в области крупнейшим поставщиком рыбы. Ежегодный уровень добычи достигал пятидесяти тысяч центнеров. Часто район завоёвывал переходящие красные знамена, вымпелы. Большая часть рыбы обрабатывалась в Сургуте. А рыбозавод наш представлял собой убогое предприятие. Деревянные здания покосились. Консервный цех стоял благодаря 280 подпоркам, а склад готовой продукции удерживался на берегу Оби лишь потому, что его опоясывали металлические канаты.

В таком состоянии застали завод молодые специалисты муж и жена Владимир Алексеевич Кулешов (главный конструктор)

и Эмилия Борисовна Русецкая (главный инженер). Сменился директор, им стал Степан Сергеевич Захаров. Вместе они принялись за реконструкцию предприятия. Энергично, с энтузиазмом преображали завод. Райком партии всячески поддерживал новых руководителей. Строили хозспособом. Русецкая организовала женщин на выпуск стройматериалов в летнее время. Работали сутками. Идеей обновления родного завода были заражены все без исключения, поэтому трудились - я бы даже сказал - вдохновенно. Так у нас выросло современное социалистическое предприятие, лучшее в области. Поднялись новые цеха - консервный, полуфабрикатов, жестяно-баночный, по выработке рыбной муки, цех аммиачного охлаждения. Были выстроены лаборатории, электростанция, гараж. Пришло новое оборудование.

Продукция завода стала поступать во многие страны, приобрела известность.

Перед партийной организацией района, советскими и хозяйственными органами стояла ещё одна важная задача: продолжить перевод коренных народностей Севера на оседлость. Ханты, манси, ненцы вели, как известно, кочевую жизнь, переезжали со стойбища в стойбище, селились в дымных чумах. Нам предстояло расселить их по посёлкам с деревянными домами, больницами, школами. Правительство выделило каждой семье восемь тысяч рублей безвозмездной ссуды. Нам помогали медицинские работники, учителя. Вскоре в тайге выросли посёлки Тром-Аган, Угут, Варьёган, Аган, Русскинские.

Вот так мы жили, пока не появились первые геологи. А встреча с ними произошла неожиданно...

Правда, в 1950 году в Покуре бурила опорную скважину Колпашевская экспедиция Новосибирского треста. Начальник её, Александр Иванович Ефремов, ходил в шинели при погонах, в папахе и всем своим обликом напоминал генерала. Бу-

ровым мастером был Виктор Павлович Лагутин, которого мы ещё вспомним. Два года геологи бурили нашу землю, но ничего не нашли и уехали.

ПЕРВЫЙ ФОНТАН

Наступило лето 1957 года. В один из жарких дней зашёл в райком партии паренёк, чернявый, по-кавказски загорелый, с чёрными блестящими глазами.

- Салманов. Геолог. Прибыл к вам начальником нефтеразведки.

Удивлению нашему не было границ. Какой нефтеразведки?! У нас и в помине её нет! Стали объяснять, что в окрестностях уже искали нефть, но, увы, ничего не обнаружили.

- Знаю, - ответил он. - Знаю. Но будем искать снова. Должна быть нефть. Здесь она.

Эти слова он повторил на заседании бюро райкома в присутствии всего аппарата.

- Мы будем искать у вас нефть, - говорил Фарман Курбанович Салманов. - Нас сначала будет немного, несколько десятков человек. Потом здесь создадут экспедицию в тысячу человек! У нас появятся тракторы, грузовики, буровые станки. Мы построим в Сургуте свою производственную базу. Государство отпускает большие средства на проведение геологических работ в районе средней Оби.

Мы слушали, не шелохнувшись. Увлечённость этого человека, его энтузиазм передались и нам. А Салманов продолжал, всё более воодушевляясь:

- Мы нефть обязательно найдем. Понимаете, под нами ковш, огромный-огромный ковш, и в нём нефть. Все её признаки на-

лицо. Говорите, раньше бурили и не обнаружили? Я отвечаю: техника была плохая, потому и не нашли.

Темпераментному геологу мы, члены бюро, поверили. Заседание закончилось полным взаимопониманием.

О себе рассказал:

- Я родился в Баку. Отец - бакинский нефтяник, дед был революционером, ссылку отбывал как раз здесь, в Сибири. До сих пор её помнит. Я окончил Бакинский нефтяной институт, но каждую практику неизменно проводил в Сибири.

Прошло две недели, и к начальнику экспедиции стали прибывать геологи Колпашевской экспедиции. В августе их было уже семьдесят человек. Надо было где-то размещать людей. Райком решил: дать геологам старую колхозную контору с телефоном. Так геологи обосновались на Чёрном Мысу. Ездить поначалу было не на чем. Тогда Салманов купил в колхозе «Верный путь» выездного коня Казбека. Той же осенью экспедиция получила буровой станок и два трактора.

Не обошлось без «приключений». Не успела баржа подойти к Сургуту, как из Новосибирского треста пришла телеграмма: «Технику вернуть. Работы прекратить».

Возбуждённый Салманов прибежал в райком. Чем мы могли ему помочь? Лишь тем, что приняли его план: приложить все силы к тому, чтобы технику не возвращать. По берегу выставили людей встречать баржу. Сразу же разгрузили её. А вскоре по реке пошла шуга, Обь застыла. Техника осталась у нас.

Что же произошло? Оказывается, министерство, решая вопрос, кому подчинить Сургутскую экспедицию, остановилось на том, чтобы в Тюмени организовать геологический трест. Когда об этом проведали новосибирцы, они решили вернуть и людей, и технику. И полетела в Сургут телеграмма!

Но зима «сработала» на Салманова - экспедиция застряла в

Сургуте. А потом начальник её попросился «под крыло» Тюмени, и НРЭ перешла в ведение треста «Тюменьнефтегеология».

Экспедиция начала свою деятельность со строительства. Райисполком отвёл территорию. За осень и зиму здесь выросло несколько двухквартирных домиков, кузница, механические мастерские. С открытием навигации экспедиция пополнилась тракторами, тягачами, буровым станком. Комплектовался и коллектив - через год в нём уже насчитывалось четыреста человек. А к Салманову всё ехали и ехали люди, прослышав об этом увлечённом геологе, чутком и требовательном руководителе. Выступая на районных партийных конференциях (а это ему приходилось делать не раз), он заверял делегатов, что экспедиция свою задачу выполнит - откроет нефть. Его активность и энергия были заразительны.

Прихожу однажды к нему. Открыл дверь в кабинет и в удивлении застыл на пороге. Народу столько, что мне не пробиться. Но Салманов меня заметил, пригласил войти.

- Понимаешь, - говорит, - не платят взносы комсомольцы-инженеры. Рисуй их, Юля, в газету (это он редактору стенной газеты Юлии Кононовой).

Кажется, до комсомольских ли дел начальнику экспедиции в ту пору было? Однако для Салманова не было вопросов, которые бы его не касались.

Строили в Сургуте клуб на четыреста мест - фактически прорабом стройки стал Салманов. Он проводил разрядки, планёрки, вдохновлял своим энтузиазмом других. А как заботился он о том, чтобы на буровых всегда было горячее питание! Если где-нибудь не так - снабженцам не поздоровится. Салманов беспощадно относился к пьяницам, разгильдяям, нарушителям трудовой дисциплины.

Четыре года геологи бурили сургутскую землю, переходя от

одной скважины к другой. Но... нефти не было. Каждая пустая скважина ложилась на чашу весов тех, кто был против поисков в районе средней Оби. Скептики и противники нефтеразведок в Сибири порой мешали весьма активно. В Совмин, в ЦК партии шли письма, в которых ведущиеся поиски назывались бесцельной тратой средств, утверждалось, что нефти в Сибири нет и не будет. Развернулась крупная полустихийная дискуссия. Кое-кто склонялся к решению свернуть работы на средней Оби, несмотря на первую нефть Шаима, объявленную «случайной». Нечеловеческие усилия требовались от Салманова, чтобы доказывать всюду и всем целесообразность геологических поисков в Сургутском районе. Он приводил аргументы, объяснял причины неудач. Экспедиция жила на грани ликвидации. Но Салманова поддерживали партийные органы, и работа продолжалась.

Первооткрывательницей нефти в среднем течении Оби стала скважина №1 на Мегионской площади, доведённая до проектной глубины буровой бригадой Г.И. Норкина Тюменского геологоуправления. В марте 1961 года из неё был получен фонтан высококачественной нефти из меловых отложений - первые на территории Западной Сибири. За мегионским последовали два фонтана из Усть-Балыкских скважин №№61 и 62. Открытие Усть-Балыкского месторождения сыграло важную роль в развитии нефтепоисковых работ. Оно укрепило уверенность в перспективности меловых отложений, послужило новым толчком к наращиванию темпов поиска.

А в мае 1964 года произошло волнующее событие. В 18 часов местного времени из скважины №80, первой на средней Оби, пошла в наливную баржу промышленная нефть! 26 мая мы провожали нашу нефть в Омск на нефтеперерабатывающий завод. Это событие стало для нас настоящим праздником - наши геологи победили!

Начинался солнечный весенний день. На берег Юганской

Оби со всех сторон стекался народ. С небольшой трибуны по очереди выступали гости и хозяева. У причала ждали своего часа нефтеналивная баржа и буксир «Капитан». Всюду было оживление, радостны и торжественны были лица геологов. Играл духовой оркестр. Из Тюмени прибыли первый секретарь промышленного обкома КПСС Александр Константинович Протазанов, начальник геологического управления Юрий Георгиевич Эрвье, приехал первый секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии Сергей Фёдорович Соловьёв. Снова ли журналисты, корреспонденты «Правды» Сергей Богатко и Майя Скурихина, корреспонденты других центральных газет, кинохроникёры из Омска, Свердловска.

И вот застрекотали кинокамеры, защёлкали фотоаппараты: Александр Константинович Протазанов разрезал алую ленту. После этого Эрвье, Салманов, Шаповалов, Протазанов и я открыли задвижку. Нефть из резервуаров товарного парка хлынула в баржу. Тут поднялось всеобщее ликование: кричали «ура», мазались нефтью, бросали вверх фуражки.

За успешное проведение геологоразведочных работ и открытие новых месторождений большая группа геологов, партийных работников была награждена орденами и медалями СССР. Звание Героя Социалистического Труда присвоили мастеру Усть-Балыкской НРЭ Николаю Борисовичу Мелик-Карамову, орденом Ленина наградили мастера Виктора Павловича Лагутина, медалью «За доблестный труд» - автора этих строк.

А на Западе всё ещё не верили в богатства нового топливно-энергетического района СССР. В 1964 году британский еженедельник «Экономист» писал: «Русские убеждены в том, что сибирская земля наполнена нефтью и что они нашли третье Баку?» - и закончил фразу вопросительным знаком. Солидный

рупор деловых кругов ещё в 1964 году сомневался! Сомневались на Западе и по поводу того, что удастся скоро добыть нефть, пять месяцев в году скрытую под непроходимыми болотами, а в остальное время отгороженную от людей лютой стужей.

В 1964 году в Сургут прибыли первые нефтяники. Их было тринадцать, в том числе кандидат геологических наук Рафхат Шакирьянович Мамлеев. Я встретился с ним в Тюмени. В мой номер в гостинице «Заря» вошёл человек небольшого роста с огромным портфелем в руках.

- Вы Бахиллов? - обратился ко мне. И, получив утвердительный ответ, продолжил: «Я назначен главным геологом управления «Сургутнефть». Направляюсь к вам. Берёте?».

Я улыбнулся: берём. Договорились ехать вместе. Мамлеев тоже обосновался в «Заре». Он уже именовал себя «нефтяником», открыл счёт в банке и стал принимать желающих на работу.

Вскоре Мамлеев познакомил меня с начальником НПУ Сургутнефти Василием Степановичем Иваненко, главным геологом Олегом Алексеевичем Московцевым, главным энергетиком Александром Паклиновым, главным инженером Львом Дмитриевичем Чуриловым, начальником отдела кадров Антониной Михайловной Стреженюк. Побеседовали, нефтяники рассказали о целях своей работы. Они подключатся к пробной эксплуатации скважин и займутся добычей нефти.

Когда нефтяники прибыли в Сургут, им тоже пришлось начинать с нуля. Конечно, мы помогали. Поначалу разместили в доме для приезжих, попросили геологов выделить контору. Потом отвели место под посёлок в тайге. В июне нефтяники получили кунги - кузова от машин. Их поставили в ряд, прибавив на каждый по табличке «Старший геолог», «Отдел кадров» и т.д. С этого начался посёлок нефтяников. Вскоре они стали принимать в эксплуатацию от геологов скважины.

Одновременно прибыли к нам и строители. Первым был уполномоченный Министерства газовой промышленности, старый коммунист, заслуженный строитель РСФСР Алексей Сергеевич Барсуков.

С открытием Усть-Балыкского месторождения остро встал вопрос о транспортировке нефти. Было решение приступить к строительству нефтепровода Усть-Балык - Омск. За дело взялись строители Министерства газовой промышленности СССР. Они обязались сдать его на двенадцать месяцев раньше срока - к 50-летию Октября. Райком партии уделял большое внимание организации социалистического соревнования на стройке.

Нитка нефтепровода должна была протянуться на тысячу километров через дебри тайги, болота, озёра. Строители работали в любую погоду: летом, когда кружили полчища комаров, зимой в сорокаградусные морозы. Стужу не выдерживала сталь, трубы лопались. «Дзинь» - и будто бритвой кто провёл, - труба раскалывалась. А люди держались стойко, упорно продвигаясь вперёд, проявляли истинный трудовой героизм.

Обком партии учредил в награду за досрочное выполнение работ переходящий вымпел. На трассе хорошо трудились изолировщики треста «Омскнефтепроводстрой». Безвыездно с ними жили главный инженер СМУ-7 Леонид Ильич Малахов, начальник участка Анатолий Сергеевич Осеев. Отличились и коллективы ордена Ленина треста «Нефтепроводмонтаж», где управляющим был Герой Социалистического Труда Николай Алексеевич Воробьёв, землеройщики треста «Союзпроводмеханизация», строители треста «Омскнефтепроводстрой», «Сургутспецгазстрой», «Сургутгазстрой», «Юганскнефестрой». Не раз мы вручали им за отличный труд переходящий вымпел.

Строители обосновались в небольших посёлках вдоль трассы. Стояли улицей вагончики, колыхались цветастые занавески на окнах - здесь жили. На других висели вывески: «Столовая»,

«Прачечная», «Клуб», «Баня», «Медпункт». На Новый год в каждом городке наряжали разлапистую лесную ёлку. На неё вешали электрические лампочки, и накануне праздника они загорались весёлыми огоньками. Если в это время приходилось пролетать над трассой, то чувствовалось её живое дыхание.

Всякое случалось в посёлках. Однажды мы прилетели с первым секретарём Тюменского обкома Борисом Евдокимовичем Щербиной на 114-й километр. Нас встретил начальник землеройного участка Василий Гаврилович Чипиго.

- Как работается? - задаём вопрос.

- Нормально, - отвечает. - Земля идёт хорошо.

Мы походили по трассе, поговорили с рабочими. Потом направились в столовую. И стали нас там угощать... медвежатиной. Заглядываем в меню, а там и пельмени с медвежатиной, и жаркое из медвежатины. Откуда такие деликатесы? Оказалось вот что. В двухстах метрах от трассы строители обнаружили берлогу. Видимо, шум потревожил лесных хозяев. Чипиго - опытный охотник, взяв двух молодых рабочих и сани, отправился к берлоге. Не успели они подкатить, как в проёме показался медведь. Чипиго сразу же выстрелил. Не прошло и минуты, медведь опять показался. Чипиго снова прицелился и выстрелил. Ну, думает, теперь наверняка попал. Ан нет! Только подошли вытаскивать, раздался рёв. «Мазила же я!» - подумал Чипиго и для верности передал ружьё парням. Прозвучал новый выстрел, и в берлоге всё наконец стихло. Когда полезли вытаскивать зверя - удивлению не было предела: в берлоге лежали три медведя. Вот две недели потом строители ели в своей столовой бесплатное мясо.

Зима 1967 года прошла для строителей в упорном труде. Лишь только начал подтаивать снежок и в воздухе запахло весной, головной участок трассы от нулевого до сто двадцать четвёртого километра был закончен. Теперь работы в нашем районе

прекращались, переходя на территорию Уватского района. Наш участок строители сдали раньше срока. В честь этого события в лесу прошёл импровизированный митинг. На деревьях висели наскоро написанные плакаты, транспаранты. Один из них гласил: «Товарищи строители! Обеспечим сдачу нефтепровода Усть-Балык - Омск к 50-летию Советской власти!» Толпились рабочие, прилетели секретари Сургутского и Уватского райкомов КПСС. На 124-м километре трассы произошла передача вымпела трудовой эстафеты строителям Уватского «плеча».

Особенностью освоения нефтяных районов средней Оби в 1964-1966 годах являлось то, что к нам на нефтяную целину стали приезжать целые бригады буровиков, вышкомонтажников. Первой ласточкой стали буровики Башкирии.

Летом 1964 года в райком КПСС пришло сообщение, что к нам в полном составе едет знатная бригада Героя Социалистического Труда Ричарда Хайрулловича Аллаярова. В письме, направленном в ЦК КПСС, буровики писали: «В нашей памяти ярко сохранилось время, когда нефтяники Башкирии осваивали Ишимбайское и Туймазинское месторождения. Тогда со всех районов страны к нам на помощь ехали специалисты бурения. Сегодня мы решили прийти на помощь сибирякам. Мы полны решимости работать там, где трудно, где нужнее наши руки».

Опытные рабочие нам были очень нужны. По сути дела, мы только осваивали нефтяную целину. Ехали же люди знающие. Мы им были очень рады и старались сделать так, чтобы они у нас прижились.

25 июня стоял тёплый день, но дул сильный ветер. Мы собрались в аэропорту. Как только приземлился «Ли-2», его сразу же окутала взметнувшаяся вверх пыль - бетонной полосы тогда у нас ещё не было. Подкатил трап, и по нему стали спускаться члены бригады Аллаярова. Мы их встретили тепло, повезли в райком, накормили сибирской рыбой, пельменями. А

на другой день на катерах бригада отправилась в Нефтеюганск. Вскоре после них прибыла бригада знатного вышкостроителя страны Александра Григорьевича Тимченко из Татарии, за ними со средней Волги приехала бригада буровиков Героя Социалистического Труда Вениамина Максимовича Агафонова.

Хочется доброе слово сказать и нашим энергетикам. В Сургуте трудилась мехколонна №14 треста «Уралэнергострой». Её начальником был молодой инженер Игорь Киртбая. Энергетики шли без дорог, среди болот и вековой тайги. Проваливались тракторы, застревала техника, подчас электролинию монтировали с вертолётов. Однако работа не приостанавливалась ни на минуту. Так вставала знаменитая, воспетая в песнях ЛЭП-500 Тюмень - Сургут - Нижневартовск. В 1967 году энергетики построили уникальный переход линии ЛЭП-500 через Обь в районе деревни Сайгатино Сургутского района. За строительство этого сооружения многие рабочие, техники, инженеры были награждены правительственными наградами. Автор проекта и руководитель работ И.А. Киртбая стал лауреатом Государственной премии.

Очень привычным, но неизменно волнующим стало в Сургуте слово «первый» - первый слёт молодых нефтяников, первая нитка нефтепровода, первый пятиэтажный дом... И сургутяне могут гордиться, что «первый» очень часто обозначало и «передовой».

СУРГУТ РАСТЁТ

Однажды мы получили необычный номер нашей районной газеты «К победе коммунизма». Это было в 1960 году. Он был посвящён теме «Сургут через двадцать лет». Итак, каким его увидели журналисты?

На берегу Оби раскинулся крупный промышленный город. Возвышаются высотные дома, по асфальтированным шоссе мчатся такси. К железнодорожной станции Сургут подходит комфортабельный экспресс Москва - Сургут. В аэропорту приземлился самолёт «Ил-18», прибывший из Тюмени, а «Ту-114» берёт курс на Чёрное море. В современном речном порту причаливают теплоходы, идёт скоростная разгрузка барж. На центральной площади города пионеры сажают цветы у монумента первооткрывателям нефти. Имена геологов и их вдохновителя Фармана Курбановича Салманова высечены на граните золотыми буквами. А вечером, когда сургутяне собрались у голубых экранов телевизоров, диктор Центрального телевидения сообщил радостную весть, что совершил полёт в космос и благополучно приземлился их земляк ханты Никита Покачёв.

Насколько был велик размах фантазии журналистов, можно судить из того, что ни телецентра, ни речного порта, ни железной дороги у нас тогда даже и не строилось. Вдоль посёлка тянулись грязные улицы с деревянными домиками, а связь с миром осуществлялась только по реке. Была лишь упрямая вера в большую нефть.

Николая Иосифовича Голипада, редактора газеты, обвинили в фантазёрстве. Нет, я не мог с этим согласиться. Мечтатель? Да! И я доказывал тем, кто не верил, что будущее Сургута описано правильно. Оно должно быть и будет таким! Потому что мы чувствовали, что вместе с геологами к нам прилетел свежий ветер обновления. Сургут расцветёт, засверкает на карте Сибири невиданной дотоле красотой. Только в одном ошибся Голипад! Не двадцать лет, а много меньше понадобилось для того, чтобы сбылись наши мечты. Уже сейчас к нам летают большие самолёты, приходят крупные суда, в наши дома пришло телевидение, а нынче к Сургуту подведут железную дорогу. Вот только не слетал в космос наш земляк, но и это событие,

возможно, не за горами, придёт и оно. Газета звала не просто мечтать, но работать, чтоб мечта стала реальностью.

Не могу не рассказать, как мы строили новый Сургут, ибо всё, что нам удавалось тогда сделать, доставалось очень нелегко. Мы сталкивались с различными трудностями, то и дело спотыкались о ведомственные барьеры, так как не везде понимали важность и необходимость тех объектов, которые мы строили, тех мероприятий, которые мы проводили. Часто нас незаслуженно обвиняли в расточительстве государственных средств. Но мы преодолевали узкий ведомственный подход. Нашему энтузиазму не было, казалось, границ. И народ нам потом говорил «спасибо».

Невозможно забыть, как мы построили первый многоэтажный дом, в котором предусмотрели все удобства для его жителей, первый Дом культуры, где установленные на сцене микрофоны казались нам чудом техники, первую музыкальную школу, аэропорт, телевизионную «Орбиту». Это вехи, по которым мы шли вперёд, обгоняя время, приближая мечты «фантазёров».

...Старый клуб развалился на глазах, туда и ходить-то стало опасно. Идеей нового Дома культуры загорелись многие. Строили, конечно, на общественных началах, «на паях», как говорится. Основную часть денег выделила геологическая экспедиция, добавили леспромхоз и рыбозавод. Райисполком отпустил двадцать тысяч. Прорабом стройки выбрали Салманова, комиссаром - меня.

Не обошлось и без казусов! Когда о нашей затее узнали в облфо, пришёл приказ об увольнении заведующего нашим районным финотделом Тимофея Никитича Жидкова. Формулировка гласила: «За нецелесообразное использование средств». Долгих трудов нам стоило отменить приказ, но мы добились своего.

Два года изо дня в день мы с Салмановым встречались на стройке. Проводили планёрки, «выбивали» стройматериалы, словом, стремились делать всё возможное для ускорения тем-

пов. Нам хотелось преподнести подарок сургутянам к празднику Октября. И вот в начале ноября 1961 года последние строители оставили здание. Двухэтажный белый дом сверкал в лучах яркого осеннего солнца. Мы обошли с Салмановым комнаты, где начнут работу кружки, обе библиотеки, заглянули в зрительный зал. Всюду глаза радовали чистота и уют, клуб ждал своих посетителей. Открытие назначили на пятое ноября. В первый день пригласили строителей и геологов. После того, как я разрезал символическую ленту, и нарядная толпа хлынула в зал, мы устроили чествование тех, кто возвёл этот прекрасный дом: каменщиков, штукатуров, маляров. Многих из них наградили почётными грамотами, ценными подарками.

Крупным событием в Сургуте стало и строительство первого крупнопанельного жилого дома. До этого у нас возводили деревянные двухэтажки. Но появились энтузиасты, загоревшись идеей смонтировать «каменный» дом со всеми удобствами - начальник геофизической конторы Виталий Степанович Катков и главный инженер Михаил Сергеевич Дубина. Они договорились со свердловскими строительными организациями и купили у них панели - шестидесятиквартирный дом. Инициативу геологов поддержали райком и обком КПСС. Мы нашли бригаду, кран для монтажа. И вот летом 1965 года закипела работа. А к осени 1966 года дом был готов к заселению. Государственная комиссия приняла объект с оценкой «отлично». Бригада Николая Николаевича Щаденко, построившая его, и сейчас возводит в Сургуте жильё. Первый ключ от квартиры мы вручили лучшему механику геофизической конторы Николаю Семёновичу Каткову. Наши новосёлы въезжали в дом под звуки оркестра. Собрались и те, кто пока жил в деревянных домах. На небольшом митинге мы говорили, обращаясь к ним, что скоро и для них наступит такой же радостный день, и сургутские строители заверили их, что он близок.

Однажды мы встречали группу иностранцев из капиталистических стран. Им захотелось посмотреть, как живут наши рабочие. Тогда мы повели их в наш первый каменный дом, хотя в то время были построены и другие. Поднялись на третий этаж. Позвонили в одну дверь - закрыто. Тогда в дверь напротив. Встретила хозяйка, пригласила войти. Сразу же накрыла стол в большой комнате. Чуть попозже вышел хозяин - в ванной мылся после смены. Оказалось, что мы в семье того самого Каткова, которому первый ключ вручали. Ко всему приглядывались иностранцы, интересовались и материальным положением, и тем, чем занимается семья в свободное время. Заметили, что у хозяйки нет чайного сервиза. Но гостеприимство Катковых победило предубеждённо настроенных гостей, им здесь понравилось.

Поначалу сургутянам нерегулярно привозили свежие овощи и фрукты. Тогда мы решили их выращивать у себя. Стали строить теплицы. Тяжело было: никогда раньше с этим не сталкивались. Но всё же в 1967 году мы первую теплицу пустили. А к Новому году в ней уже алели помидоры, свисали с плетей пупырчатые огурцы. У работников теплицы существовала договорённость с буровиками бригады Георгия Петровича Ерёмкина, что первый снятый урожай они направят им как награду за успешное выполнение годового плана. Так весь первый урожай был увезён на буровую. А потом уже свежие овощи пришли в детсады, в столовые, на прилавки магазинов Сургута.

В год пятидесятилетия Советской власти в дома сургутян пришло Центральное телевидение. И снова мы, не ожидая помощи, своими силами осуществили свою заветную мечту. Очень помогли нефтяники (начальник объединения «Сургут-нефть») Василий Васильевич Кореляков, главный инженер

Василий Степанович Иваненко) и геологи (начальник экспедиции Пётр Васильевич Гаврилов, начальник вышкомонтажного цеха Николай Андреевич Багдасарьянц). Они установили ретранслятор, смонтировали необходимое оборудование. Накануне ноябрьских праздников телевизионная станция была сдана с оценкой «отлично». А в магазинах уже вовсю шла торговля телевизорами. Возили их самолётами, вертолётами - и они моментально раскупались. И вот наступило 3 ноября 1967 года.

В десять часов утра началась первая передача из Москвы. Отличный звук! Отличное изображение! Мы от души радовались. Радовались с нами и в Тюмени - позвонил Б.Е. Щербина, поздравил, поинтересовался качеством «картинки».

Этот день превратился для сургутян в настоящий праздник. Кому я ни пытался звонить, все отвечали одно: «Сидим у телевизора, смотрим! Приходите в гости - праздник у нас!».

Сейчас в Сургуте три музыкальные школы и музыкальное училище, а когда-то приходили к нам люди и с упреком говорили:

- Уезжаем. Наши дети подросли, и нам хочется учить их музыке, а здесь нет условий для этого.

Что ж, они были по-своему правы. Мы стали решать вопрос об открытии своей музыкальной школы. В это время в новое здание перешла начальная школа, а её старое деревянное помещение пустовало. Его-то мы и отдали Николаю Николаевичу Гнусину - «новоиспечённому» директору музшколы, приехавшему из Тюмени. Это был очень деятельный человек. С помощью леспромхоза, экспедиции, рыбозавода он полностью оборудовал помещение к новому учебному году, закупил мебель, инструменты. А осенним солнечным днём шестьдесят нарядных ребятишек, затаив дыхание, впервые в своей жизни

прикоснулись к чутким клавишам пианино, баянов, аккордеонов - занятия начались на трёх отделениях. И увлекательный мир музыки открылся юным сургутянам.

Однажды на одном из заседаний городского Совета депутатов зашёл интересный разговор. Кто-то предложил учредить в Сургуте (он к тому времени стал городом) звание «Почётный гражданин города Сургута». Все с радостью поддержали выступавшего. Сразу же назвали три имени: Ф.К. Салманова, Г.Г. Кушникова (председателя колхоза «Красный северянин») и М.А. Щепеткину (заслуженную учительницу республики, проработавшую в нашем районе тридцать лет). Мы заказали в Москве специальные ленты, подготовили и провели церемонию награждения, а потом портреты первых почётных граждан города вывесили в ДК. Так было положено начало доброй традиции.

Приближалось 30 июня 1968 года - знаменательная для Сургута дата. В этот день ему исполнилось 375 лет. Мы задолго стали готовиться к празднику. Пригласили в гости знатных земляков: Героя Советского Союза Тулебая Ажимова, первого председателя райисполкома Евгения Михайловича Курникова, первого секретаря райкома комсомола Александра Ефимовича Меньшикова, старого коммуниста, первого коменданта города Сургута Александра Густавовича Вейса и его супругу Людмилу Павловну Вейс, участвовавшую в освобождении Сургута от белогвардейцев, генерала Юрия Алексеевича Рытикова, первого учителя Аркадия Степановича Знаменских.

На высоком берегу собрались празднично одетые люди - гости, сургутяне. Сверкала на солнце торопливая речная вода, ветерок гладил зелёную листву векового леса. День стоял по-летнему жаркий.

Строители возвели бетонную стелу. С неё смотрел портрет

В.И. Ленина, а под ним стояла аршинная цифра «375». На фоне стелы установили трибуны, подвели микрофоны.

Праздник начался с торжественного шествия ветеранов. Знамя Сургута несли Семён Фёдорович Меньшиков, старейший работник рыбокомбината, Николай Андреевич Титюский, который проработал в Сургуте тридцать лет, Владимир Алексеевич Кулешов, главный конструктор рыбокомбината, и Мария Андреевна Щепеткина. С трибуны зачитали поздравительные телеграммы. Одну из них прислал директор Западно-Сибирского нефтяного института доктор геолого-минералогических наук Н.А. Ростовцев. В ней он писал: «Недра Сургута настолько богаты, что можно смело пожелать развить добычу нефти в год 400-летия в размерах, равных сегодня добыче по всему СССР, и тем самым превратить Сургут в крупнейший промышленный район нашей страны». Этот факт говорил о том, что в учёном мире произошёл окончательный поворот в оценке нефтегазоносности Западно-Сибирской равнины.

Потом открылся парад физкультурников. Красочное это было зрелище! Возбуждённые, улыбающиеся лица, всюду цветы, музыка. После демонстрации начались спортивные состязания на сооружённых к этому дню футбольных и баскетбольных площадках, теннисном корте. Так помолодевший город отметил свой день рождения. Имя его, дотоле никому не известное, теперь звучало на всех языках мира. К нам зачастили композиторы, поэты, писатели.

Шла как-то районная комсомольская конференция. Как раз в Сургут прилетел Лев Иванович Ошанин. Сразу из аэропорта, как с корабля на бал, он приехал к комсомольцам. Его встретили песней «Бирюсинка», потом запели «Песню о тревожной молодости». Лев Иванович дирижировал многоголосым самодетельным хором.

Сургутяне гордятся и тем, что Ян Френкель столь извест-

ную песню о русском поле впервые исполнил у них. За окнами мела позёмка. Несмотря на это, в городе не было таких, кому бы не хотелось попасть вечером на концерт. Но в клубе не оказалось пианино. Принялись срочно искать у жителей. Хозяйка квартиры встретила «визитёров» недоуменно. Но когда её дочь, юная пианистка, узнала, для чего нужен инструмент, с радостью согласилась. В дверь пианино не проходило. Комсомольцам пришлось выставлять окно и спускать его со второго этажа, а потом на себе нести до клуба. Концерт прошёл успешно. В конце под аплодисменты собравшихся Ян Френкель исполнил свою новую песню «Русское поле». А потом композитор подарил девочке, любезно предоставившей ему пианино, ноты этой песни с автографом.

Новой, напряжённой жизнью зажил Сургут. «Фантазии» становились конкретными планами, обязательствами и воплощались в действительность.

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ!

На берегу Юганской Оби стояла небольшая деревушка под названием Усть-Балык. Десятка два деревянных домиков дружно сбегали к реке. Жили в них рыбаки да охотники. Когда Обь схватывал крепкий сибирский мороз, по льду тянулся зимник на Каркатеевский и Майский лесоучастки. Отправляясь туда в командировки, мы, работники райкома партии, непременно останавливались на ночлег в Усть-Балыке. Здесь кормили лошадей, а потом шли в семью председателя сельсовета Михаила Григорьевича Боровикова. Его родители Григорий Васильевич и Марфа Фёдоровна летом на своём огороде выращивали всевозможные овощи, а на зиму заготавливали их впрок. Пока за-

ходили в дом, стены которого были увешаны гирляндами лука, раздевались, грелись у печки, Марфа Фёдоровна уже вовсю хлопотала, и вскоре появлялись разные соленья-варенья, дичь, рыба и головки аппетитного лука. У этих гостеприимных людей невозможно было встать из-за стола, не отведав всех кушаний и не опустошив все чашки. Долгий зимний вечер проходил в разговорах, потом ложились спать, а поутру запрягались лошади, и мы продолжали путь.

В сонной дымке проплывали мимо далёкой сибирской деревеньки года, в сущности, не принося с собой никаких изменений. Где-то кипели большие стройки, возводились электростанции, вставали корпуса фабрик и заводов, а она так и оставалась «медвежьим углом». Но вовсе о том не подозревая, Усть-Балык стоял на земле, таящей в себе огромное богатство, ставшее залогом пришедшего сюда обновления, - нефть.

В 1958 году в Усть-Балык прибыли первые геологи. Ими руководил Виктор Иванович Бочаров. Они начали бурить скважины, строить дома, школы, клубы - словом, обустройства посёлок.

Вскоре произошло одно примечательное событие. В ЦК КПСС было решено заслушать вопрос о быте геологоразведчиков. К нам приехал инструктор ЦК Виктор Степанович Коноплёв. Мы повезли его в Усть-Балык, где работало около пятисот геологов. Здесь обошли балки, в которых жили их семьи, съездили на буровую, зашли в котлопункт, побывали в магазине. С продуктами дело обстояло неважно: консервы на полках стояли всякие, но свежих овощей, натурального молока и мяса не было, выбор промышленных товаров тоже оказался невелик.

Виктор Степанович решил собрать геологов и устроить перед ними отчёт начальника ОРСа Анатолия Васильевича Паршинцева. Встал вопрос: где провести это мероприятие, ведь

тогда клуб ещё не построили. Кто-то предложил использовать волейбольную площадку. Так и сделали: вынесли стол, скамейки. Собралось человек двести. Виктор Степанович объявил:

- Сейчас выступит начальник ОРСа Анатолий Васильевич Паршинцев. Он отчитается о своей работе.

Когда Паршинцев закончил, Виктор Степанович спросил:

- Какие есть вопросы к начальнику ОРСа?

Раздалось с мест голоса, что вопросов нет. Тогда вновь поднялся Виктор Степанович и обратился к геологам:

- Кто желает выступить?

Слово взял Василий Кириллович Дроздов:

- Я кузнец. В нашей кузнице до сих пор нет механического молота. Я считаю, что больше без него невозможно обходиться. Установка его облегчит труд кузнецов и молотобойцев, и чем скорее это будет сделано, тем скорее отразится на работе экспедиции.

Раздался одобрительный гул голосов:

- Дело говоришь, Дроздов! Дело.

Как только кузнец прошёл на свое место, к столу протиснулся бурильщик Александр Андреевич Халин.

- Я расскажу инструктору ЦК о том, как идут дела на буровой. Часто работа приостанавливается из-за того, что не хватает талевого каната и насосно-компрессорных трубок. Не от нас зависит решение этих вопросов, но ведь они тоже влияют на выполнение плана. И подчас бывает очень обидно, что из-за таких мелочей срываются задания.

Собравшиеся аплодисментами поддержали и это выступление. Но разговор явно уклонялся в сторону от намеченной темы. Пришлось слово брать мне:

- Товарищи! Вопрос же поставлен о быте. Недостатки есть, давайте поговорим о них. Я вижу здесь женщин - хозяек, матерей. Вы каждый день ходите в магазин... Пожалуйста, вам слово!

Но женщины выступать не торопились. Раздались их голоса: «Да что говорить, не голодаем! Мы люди бывалые». Потом одна из них стала пробираться к столу. Дождавшись тишины, она начала:

- Скоро 1 сентября - новый учебный год. Хорошо бы для наших ребятишек завезти новую школьную форму, учебники, а то кое-каких нет.

Её снова сменили геологи, бурильщики, изыскатели. Всего выступило тринадцать человек. И каждый говорил не об обидах на торгующие организации, хотя они и могли потребовать и расширения ассортимента товаров, и улучшения их качества. Но всех волновали другие проблемы: нехватка материалов, деталей, запчастей, волновало то, что мешало выполнению производственных планов, задерживало открытие нефтяных месторождений. И с завидным единогласием выступавшие говорили об этом, будто забыв о повестке дня.

Виктор Степанович Коноплёв, сам в прошлом геолог и немало встречавший их на своём веку, сказал после собрания:

- Да, с такими людьми можно великие дела свершить!

Вот они и начинали Усть-Балык. В «Бригантине» есть строчка о «презревших грошевой уют» - это о них.

В 1961 году их труд увенчался успехом - на 61-й скважине был получен первый фонтан нефти. Это произошло накануне XXII съезда КПСС. Сразу же в адрес нашей делегации, где была и председатель Сургутского райисполкома А.Г. Григорьева, направили телеграмму: считать Усть-Балыкское нефтяное месторождение подарком начавшемуся съезду.

Через год Усть-Балык стал рабочим посёлком. Встал вопрос: кому быть председателем поссовета? Решили пригласить на эту должность работника экспедиции Василия Акимовича Дубровина, опытного геологоразведчика, коммуниста. Это до-

верие Дубровин воспринял со всей серьёзностью. На новом посту правильно определил основную линию деятельности - работать так, чтобы чувствовалось, что поссовет является хозяином в посёлке.

К этому времени в Усть-Балык приехали из Башкирии строители Министерства газовой промышленности. Начальником Нефтеюганского управления стал Крейденко, а главным инженером - бывший начальник строительного управления Путиловского завода старый коммунист Николай Иванович Запатрин. Одновременно было создано Нефтеюганское нефтепромысловое управление. Его начальником стал Лев Дмитриевич Чурилов.

Посёлок разрастался на глазах - люди всё прибывали и прибывали. Для того, чтобы обеспечить их хлебом, помыть в бане и т.п., поссовет распределял между строителями, геологами и нефтепромысловиками обязанности: привозить дрова, воду, давать электроэнергию. Поначалу случалось такое: не позаботились геологи вовремя о воде - выпечка в пекарне сорвалась, весь посёлок оказался без хлеба. Сколько приходилось Василию Акимовичу собирать руководителей, доказывать, что пренебрежение возложенными на них поссоветом обязанностями наказывает и их рабочих, и остальных жителей посёлка.

Иногда председатель поссовета обращался за помощью в райком КПСС. Под утро раздавался тревожный звонок: подвёл Крейденко - пекарня осталась без дров. Садись в машину, чтобы принимать срочные меры...

Постепенно Усть-Балык отстраивался. Поселковый совет выступал инициатором многих дел. Большим событием явилось появление хлебозавода, первого крупнопанельного дома, клуба, школы, открытие аэропорта и введение в эксплуатацию первого километра дороги с твёрдым покрытием, товарно-

го парка. Не всё шло гладко, встречались трудности, всякого рода недоразумения. Но в общей работе выковались принципы делового взаимоотношения поссовета и производственных организаций. Есть в этом, несомненно, заслуга Дубровина. Пережитые тревоги, горести, радости посеребрили его голову. Когда я смотрю на эту седину, я всегда думаю, что без таких, как он, не было бы Нефтеюганска.

С 1964 года начальником Усть-Балыкской экспедиции был назначен Иван Григорьевич Шаповалов. По натуре очень душевный человек, он активно участвовал во всех мероприятиях, проводимых поссоветом. И руководитель вышел из него умелый, экспедиция по многим показателям шла впереди других.

Но вдруг узнаём, что в главке принято решение освободить его от занимаемой должности по той причине, что у него нет специального геологического образования. Мы с этим примириться не могли. Я вылетел в Тюмень для разговора с Ю.Г. Эрвье. На мои недоумённые вопросы он ответил:

- Есть указание министерства уволить начальников экспедиций без дипломов инженеров-геологов.

Я стал доказывать, что Шаповалова нельзя снимать.

- Вот анализ работы всех экспедиций главка. Взгляните внимательно на него! По всем важнейшим показателям в Усть-Балыкской экспедиции самые высокие показатели. Вот проходка на бригаду, скорость бурения, прибыль - где ещё такие достижения?

Эрвье задумался, а потом попросил пригласить из приёмной специалистов, собравшихся начальников экспедиций. Он обратился к ним:

- Перед вами секретарь Сургутского райкома партии. Он не согласен с проектом нашего приказа об освобождении И.Г. Шаповалова от занимаемой должности. Мотивирует вот чем.

И стал перечислять показатели работы Усть-Балыкской экспедиции. А закончил так:

- Прав Василий Васильевич! Шаповалов не занимает чужого места. Дай бог, чтобы все начальники экспедиций имели такие результаты работы. Я этот приказ не подписываю.

И разорвал его на наших глазах.

Райком отстоял ещё одного человека, директора конторы Нефтеюганского управления буровых работ Александра Николаевича Филимонова. Он приехал на Юганскую Обь с первыми энтузиастами. В тайге, на голом месте, его ребята жгли костры, грели руки и ремонтировали оборудование, одновременно строя мастерские. Сложился хороший коллектив. В него влились прославленные бригады Р. Аллаярова и В. Агафонова. В 1967 году Нефтеюганскому управлению на 50 процентов увеличили план по буровым работам. В первом и втором квартале буровики А.Н. Филимонова с заданием не справились. В главке хотели принять решение об увольнении директора конторы. Снова, благодаря своевременному вмешательству райкома партии, главк дал согласие подождать до конца года. Мы верили, что А.Н. Филимонов нас не подведёт: отличный специалист, хороший руководитель, уважаемый своими подчинёнными. И главк, и райком пристально следили за тем, как идут буровые работы в Нефтеюганске. В третьем квартале разрыв с плановым заданием сократился, а в четвёртом буровики план выполнили. Спустя три года Александру Николаевичу Филимонову присвоили звание Героя Социалистического Труда.

В 1967 году население Нефтеюганска перевалило за двадцать пять тысяч. Вышел Указ о преобразовании его в город окружного подчинения. Нефтеюганск пересекали широкие асфальтированные улицы, вдоль которых стояли многоэтажные современные здания: кинотеатр, кафе и ресторан, магазины и гостиницы, шумели парки и скверы. Не проходило и дня, чтобы

город не встречал гостей. Ради интереса мы вели подсчёт: вышло, что за сравнительно короткий срок у нас побывало восемнадцать союзных министров и секретарей ЦК. Приезжали Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин, секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Соломенцев, министры Валентин Дмитриевич Шашин, Алексей Кириллович Кортунов, Александр Васильевич Сидоренко, Пётр Степанович Непорожний, Сергей Фёдорович Антонов и другие. Это говорило о большом внимании партии и правительства к нашей нефти и нашим людям.

Нефтеюганцы встречали и космонавтов, и чемпионов мира, и поэтов. А сколько иностранных делегаций побывало здесь! США, Канада, Франция, Япония, Бельгия, Польша, Чехословакия, ГДР, МНР - вот далеко не полный перечень стран, посланцы которых гостили у нас. Поистине все флаги в гости к нам!

ГОРНОПРАВДИНСК

Он вырос на заросшем вековой тайгой берегу Иртыша. На его месте стояли дремучие сосны и ели, по веткам прыгали белки, сквозь бурелом, оставляя ключья шерсти, продирались медведи. Но и сюда пришли геологи. Усть-Балыкская НРЭ открыла здесь перспективные нефтеносные площади. Свидетель события - спецкор газеты «Правда» Сергей Богатко - предложил будущее месторождение назвать Правдинским. Так в 1964 году появились Правдинское месторождение нефти и посёлок геологов Горноправдинск.

Начальником Правдинской НРЭ назначили Ф.К. Салманова. Перед отъездом он зашёл в райком. Голова его была полна планов, ему хотелось, чтобы среди тайги вырос невиданный

доселе посёлок геологов, посёлок-эталон. Мы договорились, что райком отпустит любого коммуниста, который пожелает поехать на новое место. Сам Салманов выбрал двадцать человек. Среди них: ветеран-геолог Михаил Иванович Ветров (он стал его заместителем), секретарь парторганизации Усть-Балыкской НРЭ Павел Николаевич Березуцкий, председатель разведкома Дмитрий Николаевич Савин и др. С первого же дня приступили к строительству нового посёлка. Приехал студенческий отряд из Киева, и сразу же протянулась улица деревянных жилых домов в два этажа. К ним подвели воду, отопление, газ. Улицу назвали Киевской, с неё и начался Горноправдинск. У Салманова была задумка: возвести посёлок прямо в лесу, вырубать минимум деревьев, чтобы горноправдинцы могли дышать настоящим озоном. Трижды пожарные присылали Салманову указание: «Рубите лес!» И трижды он платил штрафы, но ни топор, ни пила лишнего дерева не свалили. Вот поэтому Горноправдинск сейчас утопает в зелени, а его жители, торопясь в магазин или в гости, встречаются с белками, которые сидят на ветках и с любопытством смотрят на людей.

Сам будучи хорошим спортсменом (Салманов играл по классу «А» за «Нефтчи») и заядлым болельщиком, начальник экспедиции сделал всё возможное для того, чтобы горноправдинцы могли заниматься спортом. Был разбит отличный стадион, возведён и оборудован спортивный комплекс с несколькими спортзалами, выстроены два хоккейных корта для взрослых и детей, открыты прокатные пункты спортивного инвентаря. Зимой в выходные дни, когда загорались весёлые огни катков и по округе разносились звуки музыки, со всех сторон к ним спешили и пожилые, и совсем юные любители конькобежного спорта. Провести морозный сибирский вечер на свежем воздухе - что может быть полезнее! В Горноправдинске появилась

и сильная футбольная команда, не раз выходящая в финал турниров команд министерства. Её встречи с гостями всегда собирали много болельщиков.

Вырос в Горноправдинске и прекрасный клуб на четыреста мест. Молодые талантливые юноши и девушки с удовольствием пришли в его кружки: танцевали, играли на музыкальных инструментах, ставили спектакли. Самодетельность правдинцев неоднократно завоевывала призовые места и в области, и в министерстве.

Салманов «санил» в Горноправдинск из Нефтеюганска и заведующую детским садом, опытную воспитательницу Наталью Ивановну Горбенко. В её ведение отдали выстроенный в лесу детский городок. Чего только там не было! Качели, карусели, лесенки, домики, машины. Летом дворик превращался в цветочный оазис: по стенам и забору вились плющи, на клумбах полыхали всеми красками радуги и капризные «южанки», и неприхотливые степные растения. За всем ухаживали дети: у каждой группы были свои грядки, ребята заботливо поливали их и пропалывали. Однажды новенький мальчуган залез в клумбу и сорвал головку самого красивого цветка. Когда малыши увидели это, они в один голос заступились за погибший цветок, а мальчуган стоял перед ними с порозовевшими щеками, чуть не плача, и обещал больше никогда такого не делать. Осенью, провожая старших ребят в школу, воспитательницы выводят детей в сад и срезают расцветшие бутоны - с ними ребята идут в первый класс.

Но главной достопримечательностью удивительного детского сада стали вольеры с животными. Когда Наталья Ивановна подбирала коллектив, она предупреждала всех входящих к ней женщин, что в садике будет небольшой зверинец, придётся возиться и с животными, и если им это не по душе, то лучше пусть сразу забирают заявления обратно. Так по-

добрались воспитательницы, которые работают с большим желанием и охотой, вместе с детьми ухаживают за мышкой, зайцами, белками, птичками, с раннего детства прививая ребятишкам любовь к животным. Медведь из этого садика - настоящая «звезда»: о нём писали даже за рубежом, его снимали уже в нескольких фильмах. Экзотика? Есть. Но не из-за неё ли детский сад Горноправдинска признан лучшим в Министерстве геологии?

Есть в Горноправдинске и кафе, о котором рассказали все центральные газеты, - «Конёк-Горбунок». Оно открылось в год юбилея нашего знаменитого земляка П.П. Ершова, и писатели, гостившие в посёлке, предложили это название. Неподалёку проходит зимник в тысячу километров Тюмень - Нижневартовск. Все шофёры в любое время суток делают остановку в Горноправдинске, чтобы зайти в кафе отдохнуть и пообедать. Они знают, что здесь их всегда с радостью встретят, ведь в кафе работает коллектив, у которого так называемая книга жалоб превратилась в книгу благодарностей.

Построили в Горноправдинске и новые магазины, школы, гостиницу. По вечерам в домах загораются экраны телевизоров, улицы освещают красивые фонари. И вообще, когда ходишь по Горноправдинску, эпитет «красивый» то и дело слетает с языка. Да, здесь по-настоящему всё красиво, радуется глаз. И не случайно. Город с самого первого колышка строился с такой любовью и заботой о людях! Вполне обоснованно Горноправдинск был выбран обкомом КПСС для проведения здесь семинаров первых секретарей райкомов партии и начальников экспедиций. На примере этого посёлка нужно учиться заботе о людях, об организации их быта, досуга.

В 1969 году опыт правдинцев был одобрен в постановлении бюро Тюменского обкома КПСС и в специальном решении коллегии Министерства геологии СССР. В этих документах

отмечалось, что у геологов появился образец базового посёлка, который должен стать примером для других экспедиций. И действительно стал - стоит сегодня посмотреть на посёлки Уренгойской или Мегионской нефтеразведочных экспедиций.

ЛЮДИ ТРУДОВОГО ПОДВИГА

Труднейшая задача - рассказать о тех, с кем или на месяцы, или на годы сводили нас общие дела, общие пути-дороги к большой сибирской нефти. Десятки и сотни людей в памяти. Но списком - фамилия, место работы, должность - не обойдётся. Кого назвать, кого не называть? Проблема для меня неразрешимая. И только приблизительно, условно можно сказать себе: об этом человеке надо говорить, так как он типичен, в нём есть черты многих...

Виктор Петрович Фёдоров. Нет на Тюменском Севере человека, которому было бы незнакомо это имя. Оно увековечено в названии крупнейшего месторождения, предсказанного им, его именем названа одна из улиц Сургута. Да, его нет сейчас с нами. Я не встречаюсь с ним, как говорят геофизики, в поле, где он пропадал от зари до зари, исследовал метр за метром тюменскую землю, веря в её нефтяные богатства. И на весёлых праздниках мы не вместе. А он так разудало мог пуститься в пляс, что под ним трещали половицы в доме!

Мы - его друзья, товарищи по работе, ученики - помним Виктора Петровича Фёдорова. Образ его не изгладится из нашей памяти. И рассказывать о нём людям необходимо.

Когда я бываю в Москве, непременно захожу к Надежде Афанасьевне Фёдоровой. Она была женой, как говорят, верной спутницей жизни Виктора Петровича. На протяжении дол-

гих лет они делили все трудности и радости пополам. Сама по специальности инженер-геофизик, она любила работу и много времени отдавала ей. И успевала быть хорошей женой и хозяйкой, воспитывать двоих сыновей. Её жизнерадостному характеру могли позавидовать молодые. Да и сейчас она встречает меня бодрой и энергичной. Гости с Тюменского Севера ей всегда приятны. Они привозят с собой радость причастности к делам, у истоков которых стояли они с мужем. Я тоже рассказываю о новых месторождениях, передаю приветы от учеников Виктора Петровича...

К нам в Сургут Виктор Петрович приехал из Татарии. Он был уже очень квалифицированным и опытным специалистом. За открытие Ставропольского месторождения газа ему присвоили звание лауреата Государственной премии СССР. Всё у него было: и слава, и уважение, и семейный уют. Но этот спокойный человек ни на что бы не променял кипучую работу. И когда в Приобье устремились потоки энтузиастов, верящих в тюменскую нефть, он не мог усидеть дома, собрал семью и поехал в Сибирь.

Возраст приближался к пятидесяти, но душа его была неутомимо молода. Какой бы ни трещал мороз, его одежда и обувь оставались неизменными: куртка, унты, шапка. Любил и ценил хорошую, остроумную шутку. С неё он начинал разговор, когда прилетал на вертолёт в тайгу к геофизикам. Они работали сезонно, и зима как раз приходилась на «поле». Нелегко им приходилось в метели и бураны вдали от людей и городов. Но Виктор Петрович, навещая их, подбадривал шуткой, привозил новости. Его любили и всегда ждали.

Фёдорова назначили заместителем начальника экспедиции по геофизическим работам. И сразу же уровень геофизических исследований значительно вырос. По инициативе Виктора Петровича в сеймопартях стали применять новый

метод - метод «кос». Практически ошибок удавалось избегать. Результаты не замедлили сказаться: только в Сургутском районе геологи открыли двадцать пять месторождений. Геофизики Фёдорова предсказали такие крупные месторождения, как Самотлорское, Западно-Сургутское, Усть-Балыкское, Мегионское, Северо-Покурское и др.

Эффективность геофизических работ Сургутской экспедиции была наивысшей в Министерстве геологии. Поэтому здесь стали проводить всесоюзные семинары по изучению передового опыта. Вот как работал Фёдоров!

Многие геофизики по достоинству называли Виктора Петровича своим отцом. Он был хорошим наставником, любил работать с молодыми. Свои умение, опыт, знания он передавал им. Все наши геофизики, по сути, были его учениками. Сейчас они продолжают сейсмические исследования на Ямале, в Ханты-Мансийском национальном округе, в других районах нашей страны. А Николай Бехтин и Владимир Кочнев работают в Министерстве геологии СССР.

Прошло десять лет с того дня, как Виктор Петрович приехал в Сургут. Каждый из них был заполнен до отказа. С вертолёт на вертолёт, из одной партии в другую. В снегопады, морозы, бураны. Это было смыслом его жизни, и работе он отдавал все свои недюжинные способности и силы. Успехи не давались Фёдорову и его коллегам легко. Неутомимый труд, мобилизация воли, постоянное напряжение скрывались за ними. Геологи открывали одно за другим месторождения нефти и газа, уже указанные на бумаге Фёдоровым и его товарищами. Пришли заслуженная слава и уважение сотен людей. Его стремительную, упругую походку, внимательный взгляд больших глаз знали все жители Сургута. Когда он проходил по улицам, ему улыбались незнакомые люди, здоровались друзья, а он, отвечая, то и дело кивал головой.

Напряжённого ритма такой жизни не выдержало сердце. В один из дней оно отказалось ему подчиняться. Смерть этого человека казалась нелепой. Он ещё многое мог совершить на земле: у него было столько планов и незавершённых дел!

Похоронили Виктора Петровича Фёдорова в Тюмени со всеми почестями. В последний путь его провожали коллеги, друзья, ученики. Трудно смириться с мыслью, что не стало этого жизнелюбивого человека. Но когда геологи бурили скважины по сделанным им картам, они вспоминали Фёдорова -это он указал им путь. А когда они открыли крупнейшее месторождение, назвали его Фёдоровским. Сегодня оттуда идёт нефть.

* * *

Виктор Павлович Лагутин. Кто бы ни встречал этого человека, каждый потом вспоминал: где же мог видеть его раньше? Всё казалось в нём знакомым: и массивная фигура, и добродушное полное лицо. Да и ему самому в разговорах часто приходилось слышать от собеседников, что он им кого-то напоминает. Что поделаешь, Виктор Павлович Лагутин - мастер буровой бригады сургутской экспедиции - внешне очень похож на артиста Андреева, которого по фильмам знает, конечно, каждый.

По своей натуре и характеру Виктор Павлович - прирождённый организатор. В какой бы коллектив Лагутин ни попадал, - будь тот большим или маленьким, дружным или нет, - он умел добиться отличной дисциплины и высоких производственных показателей. Безвыездно находясь на буровой, он сам работал самоотверженно и требовал этого от других. В то же время Лагутин чутко относился к своим бурильщикам, понимая их заботы и переживания. На опыте буровой бригады В.П. Лагутина была создана школа передового опыта. Здесь стажировались

бурильщики других бригад, перенимая передовые методы организации разведочного бурения.

В.П. Лагутин из тех геологов, которых привёз с собой в Сургут Салманов. 20 января 1958 года, когда началось бурение первой у нас в районе скважины, вахту №1 несли бурильщики Лагутина.

За открытие Западно-Сургутского месторождения В.П. Лагутин награждён орденом Ленина.

На буровой Лагутина - порядок. Трубы, цемент, глинистый порошок - всё на стеллажах в проверенном количестве. Порой создавалось впечатление, что ты приехал в какую-нибудь лабораторию: полочки, таблички и т.д. Когда на буровой бывали гости, у некоторых проскальзывало во взгляде этакое недоверие: мол, известное дело, подготовились. Но это было не так. Будь они здесь и за день, и за два раньше, они нашли бы тот же порядок. Требовал порядка мастер и от себя, и от других членов бригады. При смене вахт, происходящей через одну-две недели, сдавались и со строгой проверкой принимались не только буровая и котлопункт, но и жилые балки, и культбудка: всё должно быть в хорошем состоянии!

Вахтовый метод работы, применяемый в бригаде Лагутина, мы считали оправданным и эффективным. Он создавал условия для оптимального использования рабочего времени и отдыха. Строился он так: бригада делилась на три вахты по семь-восемь человек в каждой. Две жили на буровой, работая по восемь часов, а третья вахта отдыхала в Сургуте. Потом она сменяла первую и т.д.

Ритмичный труд буровой бригады во многом зависел от снабженческих дел. Лагутин и здесь проявлял твёрдость и требовательность и добивался своевременной доставки на буровую труб, цемента и других материалов. У вышкостроителей, газокаротажников сложилось вскоре мнение, что от могучего

лагутинского баса не уйти, если выйдет задержка. Поэтому у буровой бригады всегда был обеспечен надлежащий фронт работы, простоев почти не наблюдалось. Однажды во время одной из вахт сломалась деталь, замены на буровой не оказалось. Тогда срочный заказ отправили Владимиру Ермоласвичу Кононову в механические мастерские экспедиции. В бригаде деталь ждали не раньше утра.

Я в этот день оказался на буровой. Мы провели собрание, поговорили о социалистических обязательствах, решили на месте кое-какие вопросы. В одиннадцать вечера на райкомовской «Победе» отправились в обратный путь. До Сургута было километров семьдесят. Дорога шла лесом. Недавно выпал обильный снег, но успели расчистить. По обочине тянулись высокие снежные стены. Машина шла легко, набирая скорость. Деревья быстрее и быстрее проносились за окнами. Хотелось поскорее добраться до дома. Лагутин, когда прощались, сказал, что дорога - «траншея» - будет свободной. Включили радио, и сразу зазвучал тёплый голос московского журналиста. Он делился впечатлениями о встречах с главным геологом экспедиции Евграфом Артемьевичем Тепляковым, и мне вспомнился этот молодой знающий геолог, с которым я был хорошо знаком. Неожиданно фары нашей машины выхватили надвигавшийся на нас огромный грузовик. Свернуть некуда - кругом снежные стены. Шофёр выключил скорость, сближались с заглушёнными моторами. Но легкого удара всё же избежать не удалось.

Пока мы выбирались из «Победы», к нам подбежал водитель «Урала»:

- Вы откуда на этой дороге?

Вместо ответа мы задаём тот же вопрос. Он отвечает:

- Я спешу к Лагутину. Ребята-механики его заказ выполнили и сразу ко мне: мчи во весь опор, бригада ждёт.

Вот так выполнялись просьбы Лагутина.

Припоминается мне и такой случай. В 1963 году к нам приехали два корреспондента из ГДР. Мы решили их познакомиться с буровиками и повезли к Лагутину. Стояла осень, но уже подмораживало. Только от Сургута отъехали километра три, в свете фар на дороге увидели двух глухарей. Шофёр приглушил мотор и выскочил с ружьём из кабины. Не проехали и полдороги - повстречали косачей. У гостей глаза от удивления распахнулись, объяснили нам, что столько дичи они на родине и в заповедниках не видели. Словом, когда мы добрались до жилых балков, вынесли встречающим нас буровикам свою добычу, то им было от чего прийти в восхищение. Перед их глазами лежало два глухаря, пять косачей и две копалухи. А ведь мы не собирались охотиться. Виктор Павлович сразу же вызвался приготовить дичь - он и в этом непростом деле большой мастер!..

* * *

Николай Андреевич Багдасарьянц. Про таких, как он, говорят: горячее сердце, холодная голова. Он приехал к нам из Азербайджана, когда экспедиция только делала первые шаги. Ему тогда едва минуло тридцать лет. Он деятельно включился в работу. За плечами у него был геологоразведочный техникум. Ему поручили сначала возглавить буровую бригаду, потом ремонтно-техническую базу и вышкомонтажный цех. Работал энергично, проявлял себя хорошим специалистом и принципиальным коммунистом. Не случайно именно его избрали секретарём партийной организации экспедиции.

Трудное, хлопотное это дело - быть партийным секретарём. Но Николай Андреевич с присущим ему жаром взялся за него. Львиную долю времени проводил в экспедиции, глубоко вникал в работу всех её служб. Опытным глазом заме-

чал неполадки, сам помогал их устранять, не стыдясь «чёрной» работы.

Багдасарьянц достиг плодотворного сочетания работы партийного и хозяйственного руководителя экспедиции, хорошо разбирался в людях, поддерживал их добрые начинания, помогал утвердиться неуверенным. И в том, что Сургутская экспедиция много лет в числе лучших, - не только вклад специалиста Багдасарьянца, но и вклад партсекретаря.

Расскажу один случай. В экспедиции работали два брата Юрьевых - Владимир и Виктор. Похожие внешне, они сильно различались характерами. Владимир завоевал звание ударника коммунистического труда, а Виктор не раз нарушал трудовую дисциплину. Какие только меры ни принимал Николай Андреевич: и беседовал, наставляя на «путь истинный», и ругал с присущей ему горячностью, подчас теряя терпение. И добился своего! Виктор стал учиться, забыл про разгулы, женился.

Характеризует Багдасарьянца и такой факт: уже будучи секретарём партийной организации Сургутской экспедиции, Николай Андреевич закончил Тюменский индустриальный институт и - в один день с сыном - получил диплом инженера.

* * *

Юлия Константиновна Кононова. Она работала в экспедиции старшим геологом, и дело своё знала очень хорошо. И вот что примечательно: когда Ф.К. Салманов, учась в институте, проходил производственную практику, им руководила Юлия Константиновна. Прошло время, и они стали коллегами.

Юлия Константиновна запомнилась мне вот чем. В её семье росли три сына, за которыми требовался глаз да глаз. Но она успевала и их воспитывать: заглядывать в дневники, проверять

задачки, водить в музыкальную школу и вести большую общественную работу. Кажется, лучшей общественницы, чем Юлия Константиновна, было не придумать.

Кононова бесценно редактировала стенную газету экспедиции «Геолог». Не раз на конкурсах газете присуждали призовые места. Работала увлечённо, с любовью. Газета отражала жизнь экспедиции, рассказывала о передовиках, бичевала нерадивых. Она выходила на огромных «ватмановских» листах и вывешивалась в коридоре конторы. Вокруг свежего номера вмиг собиралась толпа. Прочитывали, что говорится, от «А» до «Я», и уж не было пощады тем, кто попадал в сагитрический отдел. Однажды там появился рисунок: этакие разудалые молодцы «режутся» в общежитии в карты. Картина выглядела смешной, и каждый, кто смотрел на неё, не мог удержаться от хохота. Внизу стояли фамилии картёжников. Бедные «герои»! Сколько насмешек пришлось им выслушать от своих товарищей! Они порвали злополучные карты и пришли к Юлии Константиновне чуть ли не со слезами, умоляя снять газету...

Кононова часто выступала с лекциями. В аппарате райкома не было специалистов-геологов, поэтому мы организовали учёбу, и Юлия Константиновна взялась вести её. Она приходила к нам по субботам и объявляла:

- Наша тема сегодня: забурка. Едем на буровую.

Мы садились в автобус и отправлялись к буровикам. Проводили у них подчас шесть-восемь часов, ждали спуска кондуктора, зато потом мы все буровые процессы представляли себе в точности. Такие поездки стали у нас правилом. Мы изучали основы геологии нефти и газа, знакомились с бурением и испытанием скважин, сейсмической и гравиметрической разведкой. В этом большую помощь оказывали и другие специалисты - геологоразведчики Александр Тихонович Гор-

ский, Виктор Петрович Фёдоров, Борис Власович Савельев, Фарман Курбанович Салманов, Евграф Артемьевич Тепляков.

Юлию Константиновну не раз выбирали в состав райкома КПСС.

* * *

Пётр Кононович Рагинский. Люди в шутку называли его «наш ВЦСПС» - он неизменно возглавлял разведком. Этот душевный, чуткий человек пользовался авторитетом у геологов. Он помогал им с жильём, заботился о создании хороших бытовых условий и на буровых, и в посёлке геологов.

Но особенно ему удалось хорошо организовать социалистическое соревнование в экспедиции. Соревновались все: вахты, сейсмортии, подсобные цеха. По его настоянию на буровой ежедневно на огромном стенде вывешивались показатели проходки вахт Минца, Зиновьева и других. Победителей он незамедлительно представлял к поощрению или премии. Около конторы экспедиции тоже появились огромный стенд показателей и доска почёта. Раньше в Сургуте нигде такого не было.

Пётр Кононович с завидной оперативностью менял на стендах показатели и фотографии победителей, поэтому они не были просто украшением, а были именно наглядной агитацией.

Коммунист Рагинский являлся членом районного комитета КПСС. Он принимал деятельное участие в строительстве клуба, торгового центра, столовой. Сургутяне хорошо знали Петра Кононовича. К нему приходили за помощью и советом. Он понимал этих людей, пионеров нефтяной целины, которым очень нелегко жилось. Было туго и с жильём, и с детскими садами, и с музыкальными школами, да и свободное время поначалу негде было проводить. Поэтому председатель разведкома

всегда одним из первых отстаивал строительство многоэтажных домов со всеми удобствами, теплиц, музыкальной школы и т.д. Сургутяне отвечали ему сердечной благодарностью.

Назвал я немногих. И теперь вижу, почему именно этих назвал - они стали первыми и деятельными помощниками райкома в ту пору, когда для нас, партработников, геология и нефть являлись действительно целиной - надо было её и понять, и поднять.

ОТ ЛАРЬЯКА ДО НИЖНЕВАРТОВСКА

Ларьякский район находился по соседству (мне не раз приходилось там бывать), районы наши соревновались. Он объединял несколько сёл, в которых по преимуществу жило местное национальное население ханты. Охота, рыболовство, звероводство - вот, пожалуй, всё, чем занимались жители. Ларьяк стоял на реке Вах. В начале 60-х годов это был небольшой посёлок: райком партии, райисполком, школа-интернат, коопзверопромхоз, рыбозаводик. Оторванность районного центра от Оби создавала транспортные неудобства. Дорог тогда почти не существовало, и вся связь с северными сёлами осуществлялась только по Оби. Руководители района - секретарь райкома КПСС Н.Т. Вокуев и председатель исполкома Н.И. Михальченко - поставили вопрос о переносе районного центра из Ларьяка в село Нижневартовское, расположенное на берегу Оби. И лесоучастки, и недавно образованная НРЭ, и Мегионское месторождение находились вблизи Нижневартовского, а это была районная «промышленность».

В 1962 году вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переносе районного центра в село Нижневартовское

и переименовании района. Началось перебазирование организаций в доселе никому не известное место, которому суждено было необыкновенное будущее. Уж не предчувствовали ли это Н.Т. Вокуев и Н.И. Михальченко?

Сургутские геологи вели работы и на территории Ларьякского района. В Багресе находилась буровая бригада Григория Ивановича Норкина, а начальником разведки был Иван Яковлевич Высочинский.

В 1962 году на берегу Меги высадились ещё одна группа геологов - костяк новой Мегионской нефтеразведочной экспедиции. Возглавлял её Владимир Алексеевич Абазаров.

Геологи сразу же принялись обустраивать свой посёлок, названный Мегионом (по протоке Меги).

В марте того же года бригада Г.И. Норкина получила на Мегионской площади фонтан нефти. Это было Мегионское нефтяное месторождение. С 1963 года Мегионская НРЭ принялась заниматься его обустройством и пробной эксплуатацией. Велась обвязка скважин, возводился товарный парк, строились коллектор, замерные установки и т.д. Эта работа усилилась с приходом нефтяников. Первыми были Иван Иванович Рынковой, инженер, возглавивший промысел, и Борис Иванович Осипов, начальник НГДУ «Мегионнефть». В мае 1964 года нефтяники уже отправляли в Омск первую баржу. Провожали её, как полагается, торжественно, с речами и музыкой.

Район стал понемногу индустриализоваться, если так можно выразиться. Появились новые организации - Мегионская контора бурения, СУ-909 треста «Тюменьдорстрой», дорожное ремонтно-строительное управление, трест «Мегионгазстрой» и др. С началом строительства нефтепровода от Нижневартовска до Усть-Балыка я стал чаще бывать здесь в командировках. С каждым разом отмечал про себя новые перемены. А ведь я

помнил, как ещё совсем недавно, выступая на партийной конференции, здешний секретарь райкома просил, чтобы дали району хотя бы два (!) трактора.

Однако темпы развития Нижневартовска были медленны. Сказывалось то, что основные средства Министерство нефтяной и газовой промышленности отпускало на освоение крупнейшего в то время Усть-Балыкского месторождения и на Сургут как базовый город, от которого брали старт новые экспедиции.

Но был у Нижневартовска спрятан «козырь» - Самотлор.

И вот 1965 год. Геофизики вышли на Самотлор. Сеймики дали перспективность новой площади неподалёку от Мегиона. Геологи, пришедшие вслед за ними, как говорится, «отбили точку». «Точка» оказалась рядом с озером Самотлор, в болоте. Бурение поручили бригаде Г.И. Норкина. В декабре они отправилась в путь. Тридцать километров, отделяющих Мегион от Самотлора, они ехали тридцать дней и тридцать раз тонули в болотах. Вся местность представляла перед глазами если не сплошной, то на 90 процентов водной гладью. Озёра перемежались болотами, а болота - озёрами. Это и был Самотлор.

Никакими словами не описать трудностей, выпавших на долю бригады-первооткрывательницы. Но не они тревожили людей. Будет ли нефть, не напрасен ли проделанный путь - вот такие вопросы незримо бились в голове каждого.

И эти люди открыли нефть. Да ещё какую! Когда скважина дала очень высокий дебит, и он потом не раз подтвердился, оказалось, что перед ними уникальное месторождение.

В майский день 1965 года в Тюмень прилетела скромная радиограмма: «Из скважины Р-1 Самотлора в интервале 2123-2130 метров получен нефтяной фонтан. Скважина на отработке. Визуальный дебит более 300 кубометров в сутки. Абазаров».

Когда оценили возможности Самотлора, весть об этом открытии телетайпы разнесли по всему земному шару. Ахнул цивилизованный мир, который в наше время, казалось бы, очень трудно удивить. «Открытие века!» - вот как отныне окрестят Самотлор. И в этом нет ни грамма преувеличения! Самое крупное в СССР! Одно из крупнейших в мире! Говоря об этом месторождении, без восклицательных знаков просто не обойтись.

С открытием Самотлора началось его бурное освоение и развитие. Государство отпускает большие средства, но вскоре они окупят себя. Одной из главных задач стала прокладка дорог, без них освоение месторождения было невыполнимо. Сначала строили лежневки, к 1970 году построили тридцатикилометровую дорогу с бетонным покрытием. Сейчас вокруг озера - бетонированное кольцо - 70 километров автострады.

Штурм Самотлора начался зимой 1968 года. Газета «Ленинская правда» писала:

«Утро 27 января было такое же, как и все предыдущие, мороз 44 градуса. И всё же оно было необычным для буровиков Мегиона. В это утро они начали проходку скважины №200, первой эксплуатационной скважины на уникальном Самотлоре. Бурение поручено бригаде Степана Ананьевича Повха. Пройдены первые 200 метров. Штурм Самотлора начал.

Управляющий трестом «Сургутнефть» А. Сабирзянов».

В этот день на Самотлоре состоялся митинг. Из Тюмени прилетел первый секретарь обкома КПСС Б.Е. Щербина, из Сургута прибыла целая делегация геологов и нефтяников. Мне тоже посчастливилось в тот исторический день быть на уникальном месторождении. Ходил среди других гостей, восхищался упорством и героизмом самотлорских нефтяников и не

предполагал, что всего через два года мне придётся бывать у них часто и уже в ином качестве...

Произошло это так. В 1970 году обком КПСС предложил мне переехать в Нижневартовск. Мотивировали это предложение тем, что я имею опыт партийной работы в районе обустройства месторождений. Как-никак - Западно-Сургутское и Усть-Балыкское месторождения за плечами. А Самотлор и Нижневартовск должны были в принципе пройти тот же самый путь, только гораздо быстрее и на более высоком уровне, и без тех ошибок, которые случались в Сургуте и Нефтеюганске. Предложение было заманчивым, но и сулило новые заботы, тревоги, бессонные ночи. Покидать обжитый, ставший за 20 лет дорогим и родным Сургут - непросто было на это решиться.

4 декабря 1970 года состоялся пленум Нижневартовского горкома КПСС. Со многими его участниками я был хорошо знаком. Вместе работали в Сургуте с Владимиром Алексеевичем Абазаровым (он у нас был главой геологического треста), Владимиром Сергеевичем Корчемкиным, работавшим в Сургуте редактором газеты, и многими, многими другими. Меня, естественно, тоже знали. Секретарём выбрали единодушно.

Меня глубоко взволновала высокая оценка моего скромного труда, которую дали сургутские товарищи на пленуме Сургутского горкома КПСС в тот день, когда решался вопрос об освобождении меня от обязанностей секретаря горкома в связи с переходом на работу в Нижневартовск. В особенности тронуло меня принятое на пленуме по предложению кандидата геолого-минералогических наук Г.Ф. Мамлеева решение просить ЦК КПСС и Советское правительство присвоить мне звание Героя Социалистического Труда.

Не прошло и года, как в один из мартовских дней я получил из Москвы телеграмму от министра нефтяной промышленности Валентина Дмитриевича Шашина. Он поздравил меня с

26 мая 1964 года. Первая сургутская нефть отправляется в Омск

Писатель Борис Полевой приветствует строителей железной дороги Тюмень - Нижневартовск
Митинг на берегу Оби. На трибуне: В. В. Бахиллов, Ю. Г. Эрвье, Ф. К. Салманов

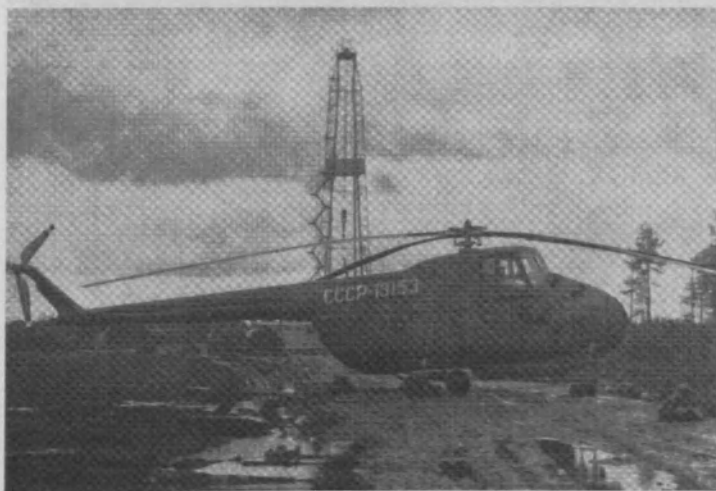
Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин в гостях у нефтяников Самотлора (январь 1973 года).
Традиционные дни советской литературы на Тюменщине.
В центре - Алим Кешоков.

Тюменские богатства осваиваются с помощью этих могучих красавцев.

По этим трубам тюменская нить пойдет в Европу.

Балки старого Сургута

Так выглядят сегодня наши северные города

Заселяем первый дом

Национальный вид спорта северных народностей - прыжки через нарты

присвоением высокого звания. Через день-два был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. Эта награда партии и правительства - награда всех сургутян, с которыми довелось 20 лет работать.

Начинать всегда непросто. Хотя я и не чувствовал себя новичком в партийном деле, да и люди знакомые окружали меня, но в Нижневартовске мне было нелегко: иное время, иной размах, иные требования. Со старыми мерками не прожить! Важно было правильно переориентироваться. Но как это сделать? Думалось, обживусь, присмотрюсь, людей узнаю, вот тогда и опыт мой пригодится. А время торопило: обживайся на ходу, в работе!

В первую свою «нижневартовскую» неделю я решил собрать руководителей предприятий и аппарат райисполкома. В восемь утра я взволнованно ходил из угла в угол в фойе горкома. Здесь же сидел Абазаров, единственный, кто пришёл вовремя.

- Даже председателя горисполкома нет! - хватался я за голову. Целый час с Абазаровым ждали остальных. Когда все собрались, я попросил каждого ответить на один и тот же вопрос:

- Почему вы явились к девяти, когда горком вызывал вас в восемь?

Один оправдывался тем, что проводил планёрку, другой забыл, а председатель горисполкома пожаловался на загруженность: чуть ли не всю ночь письма трудящихся читал, только под утро заснул.

Картина вырисовывалась крайне неприглядная. Прервав объяснения причин и извинения, я сказал:

- Так дело дальше не пойдёт. Выходит, у нас у самих нет дисциплины. Без неё мы Самотлор не поднимем. Если кто думает иначе - тому с нами не по пути!

Есть ведь простая истина: если люди из-за тебя попусту теряют время, с тобой работать нельзя. Подобные истины, к сожалению, приходится напоминать.

Тот первый «крупный разговор» в райкоме подействовал. Меня поняли сразу: слабинки никому не будет, и душа моя не дрогнет, если кто-нибудь провинится. Так вышло с председателем горисполкома - не на своём месте человек оказался, и пути наши разошлись.

Весной в молодом городе нефтяников грязь стояла непролазная, улицы были захламлены досками, строительным мусором, стеклом. Никому и в голову не приходило заниматься очисткой, хотя за каждым предприятием были закреплены кварталы. Я пригласил к себе руководителей, надел резиновые сапоги с длинными голенищами и повёл «делегацию» пешком по городу. Чуть ли не все улицы обошли. Малопривлекательное зрелище, признаться, открылось нам. Потом спросил:

- Почему же вы не убираете? Или слышите об этом впервые?

Этим дело не кончилось. Через несколько дней собрали бюро, пригласив руководителей всех предприятий. Повестка дня оставалась прежней. Первыми отчитывались руководители двух самых крупных предприятий, располагающих и средствами, и рабочими, и техникой: начальник НГДУ «Нижевартовскнефть» и управляющий трестом «Мегионгазстрой». Обоим за невыполнение решений горсовета и горисполкома по уборке улиц - строгий выговор. После этого надобность в подобных собраниях отпала. Мало того, что наказанные чуть ли не в молниеносный срок навели на улицах порядок, и выговоры с них сняли, но и остальные с той поры следили за чистотой города.

«Мелочи», - скажет кто-нибудь. Что ж, не первостепенной важности вопросы, но с них начинается и из них складывается большое. И махнёшь сегодня рукой - мол, не это самое главное, - завтра будет поздно, ведь недаром древние говорили: посеешь привычку, пожнёшь характер.

Начиная с 1970 года шло бурное развитие Нижневартовска. В этом году он впервые вышел на первое место в области по добы-

че нефти, а затем взял и высший в стране рубеж. С быстрым ростом предприятий, организаций увеличилось население. За 1971-1973 годы оно выросло на 30 тысяч, т.е. в среднем за год прирост составлял десять тысяч. На две тысячи человек увеличилась городская партийная организация. Много было забот по приёму людей, по их трудоустройству, обеспечению жильём, бытовыми услугами. А ведь в год открытия нефти на Самотлоре Нижневартовск был не городом, не посёлком - прибрежной деревней.

В преображении Нижневартовска решающую роль сыграло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по ускоренному развитию нефтедобывающей промышленности в Западной Сибири». В нём говорилось, что Министерство промышленного строительства СССР должно возвести за пятилетку (1971-1975 гг.) в Нижневартовске 250 тысяч квадратных метров жилой площади в капитальном исполнении. Это означало примерно сто крупнопанельных восьмидесятиквартирных домов. У нас были созданы трест «Нижневартовскжилстрой» и несколько строительных управлений. Управляющим трестом был прислан к нам коммунист, очень толковый организатор Ян Михайлович Малинский, главным инженером - Виктор Васильевич Бригарь и секретарём парткома избрали Василия Фёдоровича Артюхина.

Новый трест энергично включился в работу. Ежегодно в городе вырастало двадцать два-тридцать три дома. Только за одно лето на месте, где стояли балки, на грязной окраине Нижневартовска, появился детский садик: песочницы, качели, карусели, беседки. Парк осветили двумя огромными «сириусами». Там, где раньше можно было пройти только в сапогах, теперь развились ребятишки, играли, бегали по песчаным аллеям. Чудесным детским городком мы обязаны тресту «Жилстрой» и управлению «Промэкскавация».

В Нижневартовск прибывали целые коллективы бригад, желающих работать на Самотлоре. В 1971 году приехала бригада

Геннадия Михайловича Левина, затем - Василия Тимофеевича Громова. За ними «пожаловал» целый коллектив коммунистического труда из Шаима во главе с Авзалом Гизатулловичем Исянгуловым. Он привёз с собой «трёх богатырей»: известного всей стране бурового мастера Анатолия Дмитриевича Шакшина, установившего в Урае всесоюзный рекорд по годовой проходке, Григория Кузьмича Петрова и Сабита Фатаховича Ягофарова. Они сказали: «Покорили Шаим - покорим Самотлор!»

Мы отвели им место между старым и новым Вартовском, поставили вагончики. Да, да, вагончики. Большого пока предоставить не могли, но через год пообещали новоселье. Вот так поступали эти люди: оставляли комфортабельные квартиры, ухоженные города, спокойную налаженную работу и ехали начинать с нуля. Я просматривал учётные карточки каждого члена этих бригад. Ни одного взыскания ни у одного бурильщика! Сильные, опытные коллективы прибыли к нам.

Первый год дела у шаимцев шли тяжело. Условия бурения на Самотлоре значительно разнились с Шаимом. Да и Нижневартовское управление буровых работ оказалось в более выгодном районе, чем прибывшие. Нижневартовцы работали в южной части, куда были уже проложены «бетонка» и лежнёвки, а новым бригадам досталась малодоступная северная часть, где дороги лишь начинали строить. У наших на каждой буровой стояло по два куста, а у «новичков» по одному. Однако шаимцы относились к возникшим трудностям с пониманием.

Однажды я приехал к ним на буровую, и меня поразил царивший там порядок. Насосные установки, ёмкостная система - дело было зимой - утеплены. Следят за раствором - нигде не встретишь замёрзших гор. Словом, не то, что у «старичков» наших: ёмкостная система заморожена, буровая в глыбах льда, да и грязь такая, что в сапогах боишься утонуть. Взяли мы тогда наших мастеров и повезли к шаимцам учиться.

Едва минула зима, и шаймцы успели обжиться у нас, как бригада Григория Кузьмича Петрова установила всесоюзный рекорд по скорости проходки и взяла обязательство пробурить 90 тысяч метров. Г.М. Левин, А.Д. Шакшин не решились на этот рубеж. А Петров собрал свою бригаду, посоветовался. Мнение было единодушным: «Будем бороться!» И горком партии, и обком одобрили почин «петровцев».

Когда подвели итоги, то оказалось, что бригада перекрыла свои обязательства, пробуравив за год 92 тысячи метров. Центральный Комитет КПСС, Л.И. Брежнев прислали буровикам поздравление с победой. Двадцать пять человек были награждены орденами и медалями.

Мы пригласили бригаду в клуб «Юбилейный», посадили в президиум, под аплодисменты вручили награды. Когда поднялся Петров - его наградили орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Социалистического Труда, - зал устроил ему овацию. А потом выступали пионеры и комсомольцы с клятвой брать пример с него и его товарищей. Вскоре бригада Левина установила всесоюзный рекорд по скорости проходки на бригаду. Бригадиру присвоили звание Героя Социалистического Труда, а всю бригаду наградили орденами и медалями.

В 1972 году за применение новых эффективных методов разбуривания Самотлорского месторождения звание лауреатов Государственной премии СССР было присуждено Авзалу Гизатулловичу Исянгулову и начальнику управления буровых работ №2 Валентину Ивановичу Хлюпину. Впервые в истории нашей страны целый коллектив управления буровых работ №2 добился всесоюзного рекорда и перекрыл его. Каждая бригада этого управления пробурила за год в среднем по 75 тысяч метров, в то время как средний показатель по министерству составлял 13 тысяч метров. Чувствуете разрыв?!

Сейчас, когда нижневартковский период остался для меня

позади, порой задаюсь вопросом: чем он отличался от сургутского? А то, что отличался, - вне сомнений. Отмечу несколько важных, на мой взгляд, моментов.

При освоении Самотлорского месторождения применялись новые методы работы. К примеру, кустовое бурение, когда появилась возможность одновременно вести работы на двадцати скважинах. В Сургуте для достижения такого эффекта пришлось бы двадцать раз перевозить станок. В Нижневартовске шло массовое применение блочного строительства дожимных, кустовых, насосных станций и других объектов, что повышало производительность труда и сокращало сроки.

Второе. На Самотлоре работали сотни экскаваторов, вездеходов, кранов, тысяча «Татр» и КраЗов, словом, здесь сосредоточилось колоссальное количество техники и механизмов. По сравнению с этими цифрами количество техники в Сургуте может показаться мизерным.

Третье. На Самотлорских промыслах велась быстрая механизация и автоматизация всех процессов, вплоть до внедрения на буровых телевизионных установок.

Кроме того, в разработке уникального месторождения активнейшим образом использовались новейшие достижения науки. Самотлорские строители, например, успешно вели «плавающие» дороги и без выемки торфа.

Наконец, в обустройстве Сургута практически не принимало участия специализированное Министерство промышленного строительства, у которого был опыт возведения новых городов. ЦК КПСС и Совет Министров СССР, придавая особое значение развитию Нижневартовского района, своевременно приняли меры по скорейшему вводу жилья и других объектов.

Все эти факторы и обеспечили темпы освоения Самотлора и роста города.

ПО НИЖНЕВАРТОВСКУ

Имя столицы нефтяного Приобья теперь хорошо известно в нашей стране. Нижневартовск - это романтика трудовых будней сотен юношей и девушек, по комсомольским путёвкам приехавших покорять Самотлор. Нижневартовск - это мужество тысяч людей, собравшихся вместе, чтобы преобразить холодный и далёкий Север.

Для большинства гостей Нижневартовска самый прямой путь сюда - по воздуху. Комфортабельный самолёт приземлится в современном аэропорту. Построили его недавно. Но не обошлось и без «накладок» - бывает, что приходится с энтузиазмом не просто работать, а исправлять чужие ошибки.

В экспедиции, которая производила изыскательские работы, неправильно определили качество грунта, он оказался непригодным для взлётно-посадочной полосы: суглинок с большой влажностью. Что ж, придётся заняться его вывозом. Но как же быть со сроками? В распоряжении строителей - три летних месяца. Когда подсчитали, сколько нужно будет вынуть земли, появились скептики - речь шла не об одном миллионе кубометров!

Тогда мы пригласили в горком руководителей и партийных секретарей трёх организаций, ведущих строительство: начальника СУ-909 Юрия Григорьевича Шереметьева, начальника спецколонны №53 Жана Григорьевича Евстафьева и начальника автобазы №95 Александра Густавовича Лоца. Обсуждали один вопрос: как организовать работу, чтобы уложиться в сроки? Решили ввести «трёхсменку». Горком взял на себя контроль за своевременным обеспечением стройматериалами. Секретари часто находились на строительстве, присутствовали на планёрках, помогали. Рабочие, техники, инженеры не покидали рабочих мест, не выполнив задания. Даже по ночам стройка неумолчно гудела.

Осенью государственная комиссия приняла наш аэропорт.

Перед праздником 7 ноября прошёл первый технический рейс. Самолет «Ан-12» привёл начальник Тюменского управления гражданской авиации, Герой Социалистического Труда, лётчик 1-го класса, заслуженный пилот СССР Иван Тихонович Хохлов. Радостно было на душе, играла музыка, лица строителей цвели улыбками. Вскоре открылись регулярные рейсы. К празднику лётчики привезли нижевартовцам апельсины, мандарины, яблоки. Воздушные линии накрепко соединили город с Тюменью, Москвой, Новосибирском, Свердловском.

Из аэропорта в город идёт автобус. Если поедете вечером, то увидите вдоль всей «бетонки» красивые фонари. Но если будет день, садитесь к окну и внимательней смотрите. Вскоре вы попадёте на знаменитую Самотлорскую автодорогу. У неё есть своя история. Её строили специалисты высокой квалификации в очень сложных условиях, упорно продвигались вперёд, к буровым вышкам. «Дорогой жизни» окрестили здесь её, да ведь и на деле она стала такой. Видите, сколько машин несётся навстречу? Все они спешат в буровые бригады, на промыслы, везут механизмы, станки, запасные части, продукты.

По Самотлорской дороге автобус въезжает в промышленную зону города. Шофёр, который вас везёт, после рабочего дня поставит машину в автопарке, что тянется с левой стороны дороги. Это предприятие Главтюменьнефтегаза. Свыше четырёхсот автобусов курсируют по нашему городу, а недавно не было ни одного.

Напротив вы увидите огромное спецавтохозяйство, состоящее из мощных самосвалов, КраЗов, «Татр». Здесь по проекту чехословацкого проектного института и при помощи чехословацких инженеров строится автопарк на тысячу «Татр» - самый крупный в стране.

Далее по обе стороны «бетонки» тянутся гаражи, мастерские,

базы дорожников Министерства транспортного строительства СССР, СУ-909, треста «Нижевартовскжилстрой», управления «Промэкскавация» - словом, тех, кто возводит город.

А на берегу Оби вы увидите лучший в городе причал треста «Нижевартовскжилстрой». В течение двух лет строители забетонировали площадки, уложили рельсы, поставили современные мощные грузовые краны. За этим причалом идут другие - трестов «Мегионгазстрой», «Спецгазстрой», Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, техснаба нефтяников. Нижевартовск стал крупным речным портом на Оби. Не напрасно горком партии много внимания уделял строительству причалов, ведь от своевременного получения грузов, материалов, оборудования зависела работа всех предприятий.

Кончается промзона. И на границе её с городом каждый замечает красивый дом в два этажа. Он расположился неподалёку от дороги, и у его подъезда всегда стоит много машин. Это гостиница «Самотлор». Гостей ждут комфортабельные номера, прекрасный ресторан.

Автобус тем временем въезжает в город. По обе стороны - дома строгой современной архитектуры.

В Нижевартовске теперь восемь жилых микрорайонов, здания из белого и красного кирпича, блочные и крупнопанельные.

В 1971 году здесь стояло два пятиэтажных дома и один (мы его звали «недоносыш») в четыре этажа. Их строили из деталей, привозимых баржами из Тюмени. Одна из них замёрзла в пути и не дошла - потерялся этаж, но всё же дом сдали и заселили. Нижевартовцы жили тогда в двухэтажных деревянных домах, в которых было только одно «удобство» - центральное отопление. Всё остальное - на улице.

В 1971 году развернулось интенсивное строительство. Дома строил трест «Жилстрой». В том году он сдал 22 дома,

в 1972-м - 23, в 1973-м - 24. Сразу же несколько тысяч семей получили благоустроенные квартиры. Одновременно возводились в каждом жилом квартале современные школы с кабинетной системой, спортзалами и столовыми: в 1970 году - школа №2, в 1971-м - №4, 1972-м - №5, 1973-м - школа №6 и семь детских садов.

В жилых домах появились специализированные встроенные магазины: «Цветы», «Книги», «Электротовары»; современная центральная аптека. В окно автобуса приезжий увидит кафе «Уралочка» и «Белоснежка». Если вам повезёт, проведёте вечер в ресторане «Огни Сибири». Вам понравится здесь: отделка стен под дуб, воздушной лёгкости подвесной потолок с подсветкой, современная мебель. Чуть приглушённо играет оркестр на эстраде, кружатся пары. Открытие этого ресторана в 1972 году стало для города приятным событием. В День нефтяника в праздничной обстановке он принял своих первых посетителей. И потом превратился в излюбленное место отдыха горожан.

В городе есть хороший спортзал в клубе строителей. Здесь, например, стали уже традиционными соревнования по классической борьбе на приз Самотлора.

Неприменно во время поездки по городу у вас возникнет вопрос об имени нашего архитектора. Галина Анатольевна Поткина. Это человек, самозабвенно отдающий себя любимому делу. Она может рассказать, что генеральный план Нижневартовска - это 26 микрорайонов, 130 тысяч жителей. И то, что есть сегодня, - только начало. Запроектированы Дом бракосочетания, кинотеатры, кафе, дворцы культуры, спортивный комплекс, здание музыкального училища, девятиэтажные жилые кварталы, современная набережная Оби.

У Галины Анатольевны хватает забот: строящихся объектов - 808! За всеми нужно усмотреть, ведь порой появляются охотники посамовольничать. Не раз у главного архитектора

вспыхивали конфликты. Был такой случай. Руководители Востокбурвода решили строить производственную базу. Облюбовали место, ни с кем не посоветовавшись, и приступили к строительству. Когда об этом узнала Галина Анатольевна, её возмущению не было границ: как раз по генплану здесь должна была пройти дорога из аэропорта в город. Архитектор обратилась в горсовет. Спор - до потолка. Мы поддержали Галину Анатольевну. Дорога прошла, где была запланировано. А сколько таких случаев!..

И ещё об одном человеке хочется рассказать. Нижневартовск летом на удивление зелен - аллеи, парки, скверы. Мы гордимся клумбами с цветами, зеленью травы вдоль дорог. Всё это сделано руками нижевартовцев за короткий срок. А совсем недавно город по весне увязал в грязи, а летом задышался от пыли.

Горком не раз собирал руководителей предприятий, требовал от них внимания к работам по благоустройству. И... каждый раз я вспоминал сургутянина азербайджанца Александра Магарамовича Магарамова. Тогда я говорил:

- Был в Сургуте Магарамов. Дайте хоть одного такого, и мы Нижневартовск преобразим.

В этом нет преувеличения. В Сургуте он был первым, кто подал мысль об озеленении города. Коммунист Александр Магарамов, депутат горсовета, работал в капитальном ремонте скважин. Увлечённое человека трудно отыскать! Он сажал деревья, цветы, траву, организовав на это жителей, комсомольцев, пионеров и пенсионеров. С его лёгкой руки вскоре мы Сургут перестали узнавать: всюду шумели деревья.

Трагический случай заставил Магарамова уехать. Прорвало зимой нефтепровод (он тогда работал оператором на добыче нефти). Нефть хлестала горячая, он по пояс стоял в ней, а мороз держался трескучий. Поломку устранили, но Магарамов заболел и к работе не смог вернуться - врачи не разрешили.

Я знал, что Магарамов в Азербайджане. Но вот однажды - я глазам своим не поверил - увидел его перед собой. Он зашёл в горком и эдак буднично начал говорить:

- Вы только посмотрите, Василий Васильевич, какой запущенный у нас стадион: ни скамеек, ни заборов, ни аллеек!

Душа моя ликовала - он так и сказал: «у нас».

- Ну что ж, поднимай комсомол.

Оказалось, что он подлечил лёгкие, прознал, что я в Нижневартовске, и махнул сюда.

Стадион Магарамов преобразил - вместе с комсомольцами привели в порядок, огородили. Но духу надолго у тех не хватило, тогда он со своими друзьями - пожилыми людьми - довёл дело до конца. Когда в горкоме узнали про это, времени уже много прошло. Ну и постыдили мы тогда горком ВЛКСМ!

Зимой Магарамов по своей инициативе в ЖКК организовал высадку деревьев. Где он брал людей? Приглашал всех жильцов. А порой шёл после вахты в милицию, брал «пятнадцатисуточников». Но многого такими «силами» было не сделать. Горком собрал руководителей предприятий, переговорил с управляющим трестом «Жилстрой» Яном Михайловичем Малинским и партгоргом Василием Фёдоровичем Артюхиным, начальником УБР-1 Валентином Ивановичем Хлюпиным и секретарём парткома Михаилом Трофимовичем Парфенюком, начальником УБР-2 Авзалом Гизатулловичем Исянгуловым и другими.

- Хотите, чтобы город был зелёным? Организуйте, поднимайте народ!

Разделили город на участки, закрепили за предприятиями - озеленяйте! Это заседание прошло в четверг, а уже в субботу закипела работа. Рыли ямы, сажали деревья. За два воскресных дня 2000 саженцев высадили. Жилстрой выделял транспорт - сразу же подвозили чернозём. С дорожниками договорились, и они дали семена трав. Несколько тонн сразу и

посеяли. Так появились в городе зелёные ленты - деревья и трава вдоль улиц и дорог.

А потом мы стали сажать на улицах цветы. Когда у горкома партии разбили первую клумбу, она казалась нам верхом совершенства, все ходили смотреть на неё, как на диковинку. Потом горком стал требовать, чтобы предприятия стали украшать и свои территории цветами. Вскоре цветы появились в производственных цехах и вестибюлях организаций.

Много гостей видит Нижневартовск. И многие из них удивляются не только сибирскому размаху труда добытчиков нефти, но и облику города: мы, дескать, летели на Север, в тайгу и глушь, а тут город, да ещё какой!

Да, Нижневартовск сегодня - молодой, красивый и цветущий город. Но его лучшее время по-прежнему впереди - он весь в разбеге, весь устремлён в будущее.

МОЛОДОСТЬ ШАГАЕТ ВПЕРЕДИ

Тюменский Север неотделим от молодёжи. Это её трудом меняется облик сурового края - тысячи юношей и девушек нашли здесь живое дело, на котором проверяют и проявляют себя. Как же не рассказать о них?

Мне нравится нынешняя молодёжь - дерзкая, пытливая, настойчивая. Но иногда ловлю себя на мысли, что эти ребята чем-то отличаются от тех, кто начинал свою рабочую биографию даже десять лет назад. Они, комсомольцы семидесятых, теперь руководители бригад, участков, управлений. Живут в квартирах со всеми удобствами, а первым их жильём была койка в вагончике или в палатке. Всякие разговоры об уюте мы в то время обрывали, называли их «мещанскими». Впрочем, мы

многого недопонимали. Осуждая тех, кто покидал Север, мы зачастую не задумывались, что уезжают они вовсе не от морозов, распутицы...

Вспоминаю давний случай. К начальнику управления, который начинал здесь ещё с времянок, приходит молодой парень, просит работу. Начальнику, как и многим, рабочие руки нужны! Новичок, судя по трудовой книжке, грамотный специалист. Но хочется узнать, что привело парня именно сюда.

- Поехал бы севернее, - как бы между прочим говорит руководитель, - получал бы рублей на сто больше.

- Я знаю, - отвечает тот. - Только меня это не волнует. Я - болельщик.

- Как это болельщик?

- Очень просто. Люблю хоккей смотреть. А северней телевизора нет.

Курьёзное или возмутительное заявление? Ни то, ни другое, если думать о человеке, о каждом человеке, не прикрываясь «государственными интересами». Наш строитель призадумался. Его комсомольская юность прошла в неуюте, когда «своя» половина вагончика казалась роскошью. Он привык к лишениям, считал их неизбежными спутниками первопроходцев. А тут на тебе: «Я - болельщик».

Мой знакомый долго тогда раздумывал, брать или не брать новичка. А потом при встрече сказал:

- Вы не поверите, смешно мне теперь за мою настороженность. Парень оказался настоящим. Другого такого не сыскать... А я ведь был против, когда мы в Нижневартовске телевидение затевали. Теперь знаю: ошибался.

Нынешние комсомольцы обладают более критичным взглядом на вещи, придают - и совершенно справедливо! - большее значение так называемым житейским мелочам. Никого теперь не удивляет, если молодой рабочий, специалист, приехавший в

Сургут или Нижневартовск, дотошно расспрашивает, как тут с квартирами, легко ли получить место в детском садике, что можно приобрести в магазинах. Если есть такой интерес, значит, молодой человек решает важную не только для него лично, но и для всего нашего быстро развивающегося края проблему. Стоит ли надолго, навсегда оставаться в здешних местах? Нет, они не рвачи, не приспособленцы. Потом окажется, что большинство из них - энтузиасты, умеющие работать.

В наших интересах и, подчеркну, в наших силах помочь им принять правильное решение. Хорошо известно, сколько мы теряем из-за текучести кадров. На мой взгляд, её основная причина - невнимание хозяйственников к повседневным нуждам молодёжи, вредная привычка всё списывать на «северные условия». Вот почему, когда на комсомольских собраниях раздаётся критика в адрес того или иного руководителя, не думающего о бытовых условиях молодёжи, решение может быть только одно: незамедлительно исправлять положение.

В нашем округе насчитывается триста шестьдесят пять комсомольско-молодёжных коллективов - это пять с половиной тысяч человек. Цифры эти огромны, и нас не удивляет, что весь округ порой называют комсомольско-молодёжным. Такие коллективы я считаю кузницей идейно закалённых молодых рабочих, школой их зрелости. Они созданы у нас во всех отраслях экономики: нефтяной, газовой, лесной и рыбной промышленности, геологии, строительстве, на транспорте и в сфере обслуживания. Молодёжь в них трудится под девизом: «Сегодня рубеж передовика - завтра рубеж всей молодёжи». Девиз этот - не фраза. Именно так и работают наши комсомольцы. Далеко за пределами округа славятся буровые бригады Виктора Китаева и Владимира Глебова. Не раз занимали они первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании среди комсомольско-молодёжных коллективов министерства.

Бригада Степана Бойко из Советского леспромхоза по итогам Всесоюзного социалистического соревнования награждена переходящим Красным знаменем ЦК ВЛКСМ.

Молодые, мне думается, всегда будут поборниками нового, борцами с рутинной, консерватизмом. В округе с каждым днём ширится движение комсомольцев - трудиться по-коммунистически. Сто две комсомольско-молодёжные бригады уже добились высокого звания.

«Трудовой подвиг» - эти слова, от которых веет накалом будней последних лет, достаточно примелькались на газетных и журнальных полосах. И всё же я не могу точнее сказать о работе комсомольцев округа, преданных своему делу.

Расскажу, к примеру, о комсомольско-молодёжной бригаде Виктора Китаева. Он пришёл молодым инженером в только что сформированную бригаду, где люди недавно узнали друг друга, не успели ни привыкнуть, ни подружиться. Первая их скважина находилась на берегу озера Самотлор. Оказалась она на редкость беспокойной, нефть будто не хотела подпускать к себе новичков. Пластовое давление было настолько высоким, что стал возможен выброс инструмента. «Ну, повезло, - думал Китаев. - С первой же скважиной - и влипнуть в аварию». Он принял все предосторожности, но всё-таки произошло осложнение - несколько труб, взвившись вверх и на секунду повиснув в воздухе, хлопнулись в болото.

Бригада остро переживала неудачу. То там, то тут слышались разговоры: «А если бы...» Но Китаев досадливо отмахивался: какой в них толк сейчас, когда надо думать, как продолжать бурение. Аварию вскоре ликвидировали, но скважину пришлось бросить. Как раз к тому времени в центре купола Самотлора подготовили первую площадку для бурения. Встал вопрос, кому доверить её разбуривание. Казалось бы естественным - маститым мастерам. Но те приняли предложение,

мягко говоря, без энтузиазма. Тогда было решено поручить разбуривание комсомольско-молодёжной бригаде Китаева. И она не струсила, а бурение закончила даже ранее намеченного срока. Так «китаевцы» показали, что способны выполнять задания не хуже опытных буровиков. С тех пор бригада Виктора Китаева - в передовых. План 1973 года она выполнила на 160 процентов, внесла в комсомольский фонд экономии 270 тысяч рублей.

На Самотлоре же работает комсомольско-молодёжный участок СУ-909 треста «Тюменьдорстрой». Сто двадцать человек объединяет он, а возник из нескольких комсомольско-молодёжных бригад. Но организация его не ограничилась формальным объединением. Реорганизовалась внутренняя структура, произошла перестановка руководителей звеньев, бригад. Руководители участка провели строгий отбор желающих. Брали лучших. Городской штаб ударных строек направлял в коллектив механизаторов, шофёров, дорожников, приехавших в Тюмень по комсомольским путёвкам. К тому же, предпочтение оказывалось тем, кто имел опыт работы в комсомольско-молодёжных коллективах. Однако это вовсе не означало, что все новички пришли сложившимися мастерами своего дела. Были, конечно, и трудности первых дней, когда молодые присматривались друг к другу, привыкали работать «артелью», осваивались на новом месте и с новыми профессиями.

Руководители СУ-909 стали доверять самые ответственные участки молодым. Опытные рабочие перешли в другие коллективы и по существу превратились в главных соперников. Мало сказать, что комсомольско-молодёжный участок от них не отставал, чаще именно он и задавал тон соревнованию.

Здесь стало обычным явлением, что молодые парни и девушки из простых дорожных рабочих превращались в высококвалифицированных специалистов, обладающих несколькими

смежными профессиями. Так, комсомолец Иван Джумеля получил удостоверения сварщика, механизатора широкого профиля, водителя, крановщика. А Михаил Гуйда, разнорабочий, освоил специальности стропальщика, заливщика, машиниста автогудронатора и после стал бригадиром. Да и все руководители комсомольско-молодёжного участка начинали свой путь с рабочих, здесь же вступали в партию, как, к примеру, начальник его Владимир Лейтланд. На третьем слёте молодых передовиков Нижневартовска ему был вручён Почетный знак ЦК ВЛКСМ - высшая комсомольская награда.

На Всесоюзном комсомольском собрании в канун пятидесятилетия образования СССР участок молодых дорожников пересмотрел свои обязательства и решил выполнить пятилетний план за три с половиной года. Развернулось соревнование, итоги подводились каждую неделю, доска показателей подтягивала и звала вперёд. Участок Владимира Лейтланда сумел опередить всех соперников. Это произошло в то время, когда он строил дороги на Самотлоре. Самым дорогим призом для них стала каска с автографами всех членов бригады В. Китаева.

Требовательность молодых к вопросам организации труда, быта ничего не имеет общего с иждивенчеством. Выйдя на трибуну с критическим выступлением, комсомольцы, как правило, предлагают своё решение проблемы, строго спрашивают себя: всё ли сами сделали, чтобы устранить недостатки. Например, в том же Нижневартовске молодёжь предъявила серьёзные претензии к хозяйственникам за медленное строительство объектов соцкультбыта. Но это не критика «энтузиаста в стороне». За ней стояла готовность помочь делу. Комсомольцы спецавтоколонны решили взять шефство над этими стройками и в нерабочее время вывезти под основания Дома техники и Дворца пионеров 50 тысяч

кубометров грунта. Их поддержали молодые водители десяти автохозяйств города. Под фундаменты было отсыпано 300 тысяч кубометров грунта.

Другой пример. Много нареканий вызывает качество строительства жилых домов. Не раз я слышал, как комсомольцы говорили, что стыдно сдавать такие объекты. Но одними разговорами дела не поправишь. И молодёжная бригада отделочников треста «Мегионгазстрой» решила: ни один объект не сдаём с оценкой «удовлетворительно» - удовлетворительно значит плохо! Почин подхвачен и в других строительных подразделениях среднего Приобья. Думается, что начинание нижевартовцев-комсомольцев следует активно пропагандировать и распространять. В нём примечательна не только его производственная сторона, но и глубокое нравственное содержание. Ведь молодые строители объявили войну и «тройке за качество», и той психологии, которая позволяет мириться с ней.

Чем меня удивляет и радует нынешняя молодёжь, так это разносторонностью увлечений и интересов. В НГДУ, например, ребята решили кружок французского языка организовать. Интересно у нас проходили праздники, где они любили показать свои таланты.

Многие из молодых - спортсмены-разрядники, любят спорт.

Это очень хорошая черточка: не быть замкнутым только в работе, уметь переключаться, отдыхать с пользой для себя.

Я люблю бывать на комсомольских собраниях. Помню одно из них. Меня пригласили на Всесоюзное комсомольское собрание в НГДУ «Нижевартовскнефть». Времени, что называется, в обрез. Но я сразу же дал согласие. Я шёл на собрание с особым чувством - хотелось узнать, как же восприняли молодые нефтяники недавнее сообщение, что труженики Самотлора взяли обязательство добыть в 1973 году не 20 миллионов

тонн нефти, а 37. С волнением ждал я, что скажут ребята. И вот слово взяла девушка из экипажа термохимической установки Фаина Пермякова: «Мы тут посоветовались с ребятами, - сказала она, - и высчитали, что перекачка может осилить не только годовое задание, но и в состоянии дать на 1 миллион 300 тысяч тонн больше при бесперебойном графике добычи».

Те, кто выступил после Фаины, все до одного поддержали её. Так возникло ещё одно движение молодых нефтяников Самотлора: сверхплановый комсомольский миллион в копилку пятилетки.

Удивительно было не то, что этот миллион ребята «утвердили», меня больше поразило, что к нему отнеслись спокойно, как к рядовой цифре, рабочей намётке. А мне, старожилу нефтяной целины, к такому обращению с миллионами ещё предстояло привыкнуть. Я помню, как десяток лет назад приехали в Сургут первые комсомольцы, как секретарь райкома ВЛКСМ выезжал встречать их на лошадях, помню, как считали мы тогда каждый литр поднятой на поверхность нефти и как все вместе нетерпеливо ждали этот самый миллион тонн нефти - первый в Западной Сибири.

Я смотрел на выступающих и вдруг поймал себя на мысли, что они другие, эти парни, чем те, что начинали здесь. Сейчас им, наверное, кажутся до обидного незначительными те дела, что вершили их сверстники неполных десять лет назад. Ничем таких не удивишь! Рассказать им разве о призыве сургутской молодёжи сделать посадочную полосу для самолётов «Ли-2» и о том, как с песней и музыкой выходили геологоразведчики на субботники?

Вряд ли этот факт покажется сегодня значительным тем, кто был свидетелем того, как комсомольско-молодёжный участок дорожников Владимира Лейтланда из СУ-909 в считанные дни сделал к аэропорту Самотлор бетонную дорогу.

Конечно, перед этим рабочим подвигом тускнеют давние события. Да, они совсем другие, нынешние двадцатилетние.

Раздумывая о современной молодёжи, скажу, каким видится мне сегодня комсомольский руководитель.

Вожаком молодёжи можно стать, лишь повинувшись призванию. Смысл его - в любви к работе и молодёжи. Интересы дела требуют от него честности, справедливости, принципиальности. Внимание к каждому комсомольцу, молодому человеку, умение помочь ему утвердиться в жизни, раскрыть свои способности - вот что определяет современный стиль комсомольской работы. Скажем честно, резервы здесь огромные. Работники райкомов, горкомов часто увлекаются масштабными (чтобы прогреметь!) мероприятиями. А рядом ходят ребята, не нашедшие ни дела по душе, ни поддержки, выключенные из сферы нашего влияния.

* * *

Нынешние покорители Самотлора «ворочают» нефтяными миллионами. Романтика для них - трезвый анализ того, что сделано, что предстоит сделать, точный расчёт обязательств. Такая деловая романтика мне по душе.

Каждый день ударных строек приносит всё новые примеры самоотверженного труда и творческого поиска молодых. Растёт в округе число молодёжных коллективов, встающих по примеру строителей самотлорских дорог на «корчагинскую вахту». Году 1974-му они выдвинули встречный план, намерены и впредь обгонять время. Горжусь, что молодые мои товарищи исповедуют высший жизненный принцип - бескорыстное служение народу.

ЛЮДИ САМОТЛОРА

Рассказать обо всех, кого знал, работая в Нижневартовске, просто невозможно - их сотни. Поневоле приходится выбирать. Мне думается, нужно начать с Григория Ивановича Норкина, человека, который первым увидел нефть уникального Самотлора. Романтик и труженик с седой головой - так можно назвать его, - он вошёл в историю сибирской нефти, навсегда скрепил своё имя с когортой её первооткрывателей.

Григорий Иванович прожил бурные годы. Во время Великой Отечественной войны был танкистом. Не раз и не два, участвуя в сложных боевых операциях, он горел в машине, но вновь и вновь вставал в строй. Вместе с лавиной наступающей Советской Армии Григорий Иванович штурмовал Берлин и освобождал Прагу.

Когда война закончилась, случилось так, что коренной сибиряк оказался вдали от родных мест. Уже тогда он связал свою жизнь с нефтью. Работая в Горной Шории, прослышал о том, что на его родине тоже началась разведка месторождений. Мог ли он там оставаться дольше, если сердце уже было дома? И, собрав семью, сагитировал бригаду, пятидесятилетним опытным мастером приехал он в Сибирь. Да, ему было пятьдесят. Но мужественная осанка, богатырское сложение, задорный свет глаз вряд ли выдавали кому-нибудь его возраст.

Он устроился работать в Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. В бригаде было много «старичков», тех, с кем ещё бурил в Шории и Нарыме. Каждого Норкин ценил, и каждый стал ему дорог за многие годы совместно пережитых бед, забот, побед. На Ханты-Мансийском радио сохранилась магнитофонная лента с записью голоса Григория Ивановича. В частности, он очень тепло отзывался о членах своей бригады. Мастер говорил:

- Я доверял им, и это было основой наших взаимоотношений. Когда уезжал в отпуск - минимум на полгода, - оставлял за себя Хафизова и Летковского, готовил их в мастера.

К слову сказать, после ухода Григория Ивановича на пенсию в бригаде его заменил тот же Хафизов.

Ещё работая в Сургуте, я часто слышал о Норкине. Возглавляемый им коллектив хвалили на пленумах, конференциях и совещаниях. О его успехах писали окружная, областная и центральные газеты. Приходилось и встречать Григория Ивановича. Но на буровой - никогда. Поэтому, уже будучи секретарём Нижневартовского горкома партии, я с нетерпением ждал возможности поехать в бригаду прославленного мастера, посмотреть его в работе, среди товарищей.

Такая возможность представилась зимой 1971 года. Мы с Владимиром Алексеевичем Абазаровым объезжали буровые бригады, заехали и к Норкину. Меня, тогда уже человека опытного, поразило, как слаженно и чётко, порой виртуозно работали буровики. Разговаривая с ними, я чувствовал, с каким уважением они относятся к своему мастеру. Сам Григорий Иванович держался скромно, говорил тихо, что, казалось, с мужественным обликом сибиряка мало вяжется. Одет был просто: геологическая куртка, унты, шапка-ушанка и толстой вязки свитер. Впрочем, он на всех фотографиях, которые я видел в газетах, выглядел так же.

Григорий Иванович провёл нас по дизельному и насосным отделениям - всюду порядок. Потом зашли в столовую. Нас встретила очень внимательная женщина-повар. Она поставила на стол тарелки с пельменями, от которых поднимался аппетитный запах, а на десерт подала мандарины.

- У вас всегда хорошо с продуктами? - поинтересовался я. Повар усмехнулась и ответила:

- Да Григорий Иванович поднял бы всех на ноги, вплоть до начальника экспедиции, если б мы плохо кормили бригаду!

Выходит, не такой уж тихий Норкин, как показался мне спервоначала. За сдержанной манерой поведения скрывался твёрдый характер, ни в чём не допускающий слабинки. Со временем я убедился, что этот преданный делу человек не делил свою жизнь на «во время» и «после» работы. Поэтому он с полным моральным правом мог требовать такого отношения к делу и от членов бригады. А они, с завидным единодушием принимавшие авторитет мастера, платили ему той же верностью и любовью к избранной доле.

* * *

Владимир Алексеевич Абазаров. Впервые я встретился с ним зимой 1964 года. Мы прилетели в Мегион вместе с секретарём обкома А.К. Протазановым, министром геологии С.В. Горюновым, заместителем председателя Совнархоза РСФСР С.И. Кувыкиным и председателем Госкомитета нефтяной промышленности и геологии Н.К. Байбаковым. Стоял сильный мороз - минус 57, даже дышалось с трудом. Мы все были одеты по принципу «лишь бы теплее»: на нас шубы, унты, меховые шапки и рукавицы. Но, выйдя в аэропорту из «Ли-2», мы увидели довольно странную группу встречающих, в которой выделялся этакий высокий, стройный, чернобровый «франт»: модное пальто, туфли, изящный шарф вокруг шеи! Да и другие были одеты не хуже. Чего им это стоило, трудно сказать. Но мы оценили их выдержку и стремление, вызывающее теперь улыбку, истинных хозяев, впервые принимающих гостей, показать себя «на высоте».

Тем «франтом» был начальник Мегионской экспедиции Владимир Алексеевич Абазаров. Он закончил Грозненский нефтяной институт, работал в Краснодарском крае, откуда и приехал в Сибирь.

Владимир Алексеевич привлекал внимание обширностью

познаний в геологии нефти и газа, эрудицией. А проработав десять лет в наших районах, он превратился в крупного руководителя, умеющего организовать эффективный поиск. При деятельном участии Абазарова на берегу Меги вырос уютный городок с клубом «Геолог», торговым центром, жилыми кварталами современных зданий, дорогами с твёрдым покрытием и зелёной лентой деревьев вдоль них - Мегион. Как одного из способных руководителей, его выдвинули на должность управляющего трестом «Обьнефтеразведка». После реорганизации треста он вновь возглавлял экспедицию, стал лауреатом Ленинской премии.

В характере этого человека было нечто яростное - так бы я сказал. Работал он самозабвенно, не жалея сил и времени. Как бы ни было трудно, как бы ни было сложно - оставался на своём нелёгком посту. А какой завидной для руководителя дисциплиной он отличался! Я уже говорил, что на моё первое заседание бюро Нижнеуртовского горкома партии Абазаров (из Мегиона!) пришёл первым. С яростью он бичевал и боролся с теми, кто мешал или замедлял геологический поиск, обустройство месторождений. Однако неприязнь к рвачам, всякого рода ловкачам он умел сочетать с доверительным, дружеским отношением к своим кадрам, где бы ни работал. Когда переходил на другое место, я знаю, весь коллектив, расставаясь с ним, жалел, что теряет его. Ведь люди любят таких волевых, но справедливых руководителей.

Припоминается один случай. Однажды под самый Новый год, 31 декабря, огромный грузовик, пробираясь в морозном тумане по Нижнеуртовску, сбил у самой котельной опору. Весь микрорайон геологов оказался в опасности: остаться в праздник без света - а ведь наряжены ёлки! - и без тепла. А за окнами трещал сорокаградусный мороз!

До двенадцати оставалось всего четыре часа. За это время

ЧП нужно было во что бы то ни стало предотвратить. И здесь свою волю и организаторские способности проявил Абазаров. Несмотря на то, что многие уже сидели за праздничными столами, он вызвал начальников всех служб, а также электриков, механиков, теплотехников и объявил:

- Ни один из нас сегодня не уйдёт домой, пока не сделаем всё возможное для предотвращения аварии. Мы должны ликвидировать повреждение, пока не остыла вода в трубах.

Мне сообщили о случившемся, когда я собирался идти домой. Срочно обзвонив всех руководителей крупных организаций и мобилизовав их на устранение аварии, я поехал к месту происшествия. Уже вовсю кипела работа. Абазаров был возбуждён, яростно отдавал приказания, и ему беспрекословно подчинялись. Без двадцати минут двенадцать свет и тепло дали. Новый год встречали, как полагается: в семейном кругу, с ёлкой, весело горящей гирляндами лампочек, и с непременно шампанским.

* * *

Михаил Аверьянович Лазарев - оператор по добыче нефти на дожимной насосной станции №1 НГДУ им. В.И. Ленина. Он известен не только как опытный рабочий, но и как человек, много раз смело предотвращавший пожары и аварии на промыслах. О его храбрости и находчивости можно рассказать немало. Я вспомню лишь один случай.

Операторы были на обеденном перерыве, в балке, когда грохнул выстрел. Все выскочили на улицу и замерли - из сепарационного булита хлестала нефть.

Струя, почти не колеблясь, била тонким столбом высотой метров пятнадцать. Вверху, уже не в силах рваться ввысь, она гейзерно опадала, зловеще отливая на солнце желто-бурым поствлечением.

Растерянность овладела собравшимися. На глазах росло озеро нефти, той, что не прошла сепарации, насыщенной газом. Малейшая искра - и вся ДНС будет в огне. Пожар на промысле - жутко подумать! Михаил Аверьянович бросился к чёрному фонтану. Нефть захлёстывала его, а он, зажмурив глаза, наощупь искал задвижку. Отыскав её, с трудом нажал, и струя стала утихать.

Быть всегда начеку - правило Михаила Аверьяновича, выработанное за долгие годы. Он закончил Ишимбайское ремесленное училище и получил специальность оператора по ремонту скважин. В Сибирь приехал с первыми нефтяниками. И на Самотлоре появился вскоре после его открытия. Здесь он попросился на самый трудный участок - ДНС-1. И сполна хлебнул болотного лиха!

До дальних скважин приходилось добираться порой по три-четыре часа, утопая по пояс в торфяной жиже. Но Михаил Аверьянович трудностей не боялся.

На ДНС-1 он встретился с очень опытным оператором Николаем Павловичем Сливиным. Поначалу пользовался его советами и помощью, потому что тот начал здесь работать раньше. А вскоре и у самого Михаила Аверьяновича появились ученики. Он передавал знания Михаилу Пашину, Равилю Валиеву, Александру Суздальцеву, Юрию Лебедеву.

Михаил Аверьянович постепенно превратился в виртуоза своего дела. Он первым в истории нефтяной промышленности взял обязательство один обслуживать пятьдесят нефтяных скважин. Вскоре его примеру последовали операторы Александр Суздальцев, Николай Сливин. От внедрения этого метода по министерству в целом освобождалось девять тысяч человек и достигалась экономия примерно в девять миллионов рублей. Вот как работал Лазарев!

Михаил Аверьянович изучил характер и повадки каждой

скважины. Их пятьдесят, и каждой он мог дать имя, каждую отличить от другой. Постоянно занимаясь очисткой скважин от парафина, он обратил внимание на весьма существенное обстоятельство. Рекомендации специалистов утверждали, что это вещество начинает выделяться из нефти, когда она поднимается до отметки восемьсот метров от поверхности земли. Лазарев исправно, из года в год, опускал скребок на эту длину, и чем дальше, тем больше убеждался, что только четыреста метров скребок идёт по чистому стволу. Он не ошибался, потому что чувствовал, где начинается парафин. И стал опускать скребок лишь на четыреста метров.

Проведённые позднее на скважинах исследования подтвердили правоту оператора. Тем самым было достигнуто двойное сокращение труда и времени. И ещё много разных находок на счету умельца. Сейчас он работает в полном смысле за троих, и все скважины у него в отличном состоянии.

* * *

Об этом человеке я уже не раз упоминал. Исянгулов. Он возглавлял Шаимскую контору бурения, в которой родились рекорды по проходке скважин на бригаду, по строительству буровых вышек. Этому коллективу впервые в округе присвоили звание коллектива коммунистического труда, многие буровые мастера носили почётное звание Героя Социалистического Труда. Что и говорить, славились шаимцы своими достижениями, и руководитель их слыл человеком недюжинных способностей.

И вот однажды в 1971 году ко мне в кабинет вошёл немолодой мужчина с волевым лицом.

Представился:

- Исянгулов. Авзал Гизатуллович.

Я рад был познакомиться с ним, но ждал чего-то ещё, ведь не представиться же приехал он в Нижневартовск. Так и есть!

Шаимск
КНЕФТИ

- Наш коллектив заканчивает работу на Шаимском месторождении. Мы знаем, что здесь, на Самотлоре, открыли уникальные запасы, хотим быть участниками его освоения. «Покорили Шаим - покорим Самотлор»! - вот какой лозунг выдвинули наши буровики.

Далее он рассказал, что к нам собираются приехать все буровые бригады, вышкомонтажники, геофизики, тампонажники и другие службы. Переезд будет осуществляться постепенно, без прерывания работ на Шаиме. Сразу же Авзал Гизатуллович попросил, чтобы горком отвёл им место под посёлок.

Я слушал его внимательно, сдерживая волнение. Было чему подивиться: уже немолодые, семейные да ещё и прославленные люди протягивали нам руку помощи, столь необходимую для нас в то первое время. Они шли на это сознательно, без каких бы то ни было «нажимов».

Романтика? Может быть. Но более всего высокое чувство долга двигало ими и их руководителем в первую очередь. Так мне казалось тогда. И сейчас я уверен, что не ошибся.

Вскоре стали прибывать на Самотлор первые шаимцы. Сначала без семей. Мы отвели им место на окраине Нижневартовска. Здесь они разбили лагерь - жилые вагончики, вагончик-магазин, вагончик-контора, вагончик-столовая. Причём Исянгулов следил, чтобы это временное жилище делалось не абы как, а добротно. Вот почему, бывая здесь зимой, я видел распахнутые форточки - топили очень хорошо.

Исянгулову была присуща эта постоянная забота о своих людях. С первых же дней он вёл в горькие разговоры о том, чтобы как можно быстрее мы предоставили его рабочим квартиры. А когда уже стал известен дом, который строители возводили для шаимцев, он, желая приблизить срок его сдачи, организовал своих людей, и те помогали штукатурить, благоустраивать двор, разбивать сквер.

Однажды ему стало известно, что кто-то соорудил балок и «без очереди» привёз семью. Горком партии в то время вёл борьбу против балков. Мы размещали приезжающих в вагончиках, а потом обеспечивали их благоустроенными квартирами. Исянгулов устроил в посёлке собрание и провёл его очень умело, с должным тактом и пониманием. Но дал понять, что балки - не выход из положения, что нужно, собрав силы, подождать ещё немного - и строители сдадут дом. И коллектив поддержал руководителя. Тому бурильщику выделили полвагончика - не отсылать же семью обратно! - а балок сломали. С тех пор подобное у шаимцев не случалось.

Первое время буровым бригадам исянгуловской конторы на Самотлоре пришлось туго. Я уже рассказывал, почему это вышло. Рекорды стали затухать. Сколько надо было ему иметь терпения, внимания и умения поддерживать здоровое настроение в коллективе, поднимать, воодушевлять и вести его к новым высотам. Здесь проявились воля и настойчивость их руководителя в полной мере. И в 1973 году, когда в северную часть Самотлора проложили лежнёвку и установили на буровых по два куста, коллектив шаимцев занял первое место в СССР по проходке в среднем на бригаду.

За успешную организацию освоения нефтяных месторождений Западной Сибири А.Г. Исянгулову присвоены звания Героя Социалистического Труда и лауреата Государственной премии.

* * *

Юрий Григорьевич Шереметьев. Он приехал в Нижневартовск из Сургута. Коллектива СУ-909 треста «Тюменьдорстрой» ещё, по сути, не было. Вместе с главным инженером Борисом Фёдоровичем Ильясовым и секретарём парторганизации Ниной Васильевной Поповой он принялся формировать

стройуправление. Здесь проявилось его тонкое знание людей. Он в общей массе проходящих к нему людей отличал тех, про которых сам говорил, что они считают, будто на Севере длинные рубли валяются, подобно осенним листьям, - бери лопату и сгребай в мешок. Таких он быстро отсеивал, а брал энтузиастов, готовых на лишения первых лет. Так подобрался сильный коллектив, состоящий из шофёров, бульдозеристов, стропальщиков, механизаторов широкого профиля - более тысячи человек. И в каждом Шереметьев был уверен, как в себе: не подведут.

Шереметьев обладал таким ценным для крупного руководителя качеством, как умение мыслить по-государственному. Припоминается один эпизод. Во время строительства нефтепровода Самотлор - Альметьевск срочно потребовалась хорошая дорога до речки Рязанки, где находились стеллажи электросварщиков. На них шла сварка труб для трассы, но доставлять их было невозможно. Из-за этой неучтённой «мелочи» ставились под угрозу сроки строительства государственно важного объекта.

Мы пригласили в горком Шереметьева. Я начал разговор:

- Юрий Григорьевич! Дорога до Рязанки нужна позарез. Иначе нам нефтепровод в срок не сдать. Понимаете, речь идёт о деле первостепенной важности. Знаем, что есть у вас объекты плановые, не менее важные, но «на трубе» вот как обстоят дела...

- Понимаю, - ответил Шереметьев. - Дорогу сделаем, - закончил твёрдо.

Горком поверил слову Шереметьева. Несмотря на то, что этой дороги не было ни в каких планах, мы были уверены, что он найдёт возможность, силы, средства и без задержки на других участках её построит. Так и вышло. Юрий Григорьевич собрал молодёжь.

- Нашему коллективу поручена задача государственной важности. Мы должны помочь строителям нефтепровода Самотлор - Альметьевск, оправдать их надежду, показать, на что мы способны. Вся моя надежда на вас. Выручайте, молодые и быстрые, вам эта работа под силу.

И дорогу стали строить члены комсомольско-молодёжной бригады Владимира Лейтланда. Трудились в три смены, перекрывали все нормы. И вместо трёх месяцев её построили за один!

Дорожников Шереметьева нижевартовцы поминают добрым словом: жители, прогуливающиеся по тротуарам вдоль домов, шофёры, проезжающие по знаменитым бетонкам, нефтяники, для которых они протянули «кольцо Самотлора». Здесь всем известно про новый метод их строительства - без выемки грунта. Такие дороги иначе называют «плавающими». Если б в Сургуте в то время кто-нибудь сказал, что они возможны, его, без сомнения, сочли бы «не в своём уме». Но тюменские учёные и инженеры доказали их целесообразность и экономичность. Дорожники Шереметьева решили опробовать этот метод. Так появилась дорога на ДНС-1. Она простояла зиму: выдержала и морозы, и поток транспорта. Постепенно метод этот дорожники пополнили своей технологией, и он оправдал себя в условиях Тюменского Севера.

И ещё один эксперимент успешно завершило СУ-909. Часть дорог они строят так: вместо грунта засыпают торф, которого на Севере хватает, затем - слой грунта и плиты. Затраты сокращаются, а долговечность остаётся высокой.

За добросовестный труд Ю.Г. Шереметьев не раз награждён правительственными наградами, добился почётного звания «Заслуженный строитель РСФСР».

Это - нижевартовцы. Они - из тех, без которых невозможно было бы освоение Самотлора. Другой автор - журналист, писа-

тель или мой коллега - назовёт других. Но я вынужден повторить (как и о сургутянах), - любой из покорителей сибирской нефти интересен, выбор труден для меня.

МОИ КОЛЛЕГИ

Мои коллеги... Когда я произношу эти слова, передо мной встаёт человек, которого я с полным правом называю своим первым учителем. Его имя Дмитрий Варфоломеевич Рудаков, первый секретарь Ишимского горкома партии. У него я начинал работать, его справедливость, принципиальность, доброта служили для меня примером. Он помогал мне освоиться на новом месте, щедро давал советы. Рядом с ним я почувствовал моё призвание.

Двадцать сургутских лет всегда будут мне самыми дорогими. Здесь я понял, что не ошибся, избрав своим уделом партийную работу. Многих из тех, с кем работал бок о бок в эти годы, сохранила навсегда память: Игнатий Фомич Беженцев, Фёдор Васильевич Иванов, Виктор Гаврилович Бахмат и другие, работавшие секретарями райкома КПСС.

Нижевартовский горком партии я возглавлял около трёх лет, но этот период дорог мне незабвенностью дней покорения Самотлора, громадным объёмом работ, обустройством нефтяных месторождений, бурным строительством нового города нефтяников на Оби, созданием новых коллективов, новых партийных организаций.

Моих коллег отличает преданность делу партии и народа. Посвятив себя работе с людьми, они всегда твёрдо шли по избранному пути, стойко перенося трудности, и я знаю, что никогда и ни за что не свернут с него. Окружавшие меня про-

фессиональные партийные работники сыграли и в моей жизни определяющую роль - я стремился и стремлюсь брать с них пример.

В Сургутском горкоме партии я работал с замечательным человеком - Евгенией Ивановной Калентьевой. Интересен её приход на партийную работу. Евгения Ивановна окончила Тюменский педагогический институт, работала в школе. В пятидесятые годы партия объявила призыв: энтузиасты - в село! Она, будучи классным руководителем выпускного десятого средней школы, убедила своих учеников всем классом ехать в деревню. И первая написала заявление. Ребята её горячо поддержали, хотя многим пришлось дома «повоевать» - в классе учились дети заместителя директора машинно-рыболовной станции, заведующего райфо, главного технолога рыбокомбината, главного инженера леспромхоза. Так был заразителен пыл Евгении Ивановны, которую они все любили и уважали! Но, когда мы собрали класс на бюро горкома и одобрили их инициативу, вдруг стали один за другим выступать выпускники и говорить, что Евгения Ивановна не должна ехать вместе с ними, что она больше пользы принесёт в школе. Как ни возражала классная руководительница, слово которой принималось ими всегда почти безоговорочно, здесь она оказалась бессильной сломить их сопротивление.

- Поедем одни. Не маленькие, сумеем, справимся. Вас не подведём, не беспокойтесь. А вы оставайтесь в школе! - так отвечали ребята.

Тогда и бюро решило не отпускать Калентьеву, а оставить её на прежней работе. А вскоре мы взяли Евгению Ивановну в аппарат горкома.

Прошло с тех пор немало лет. Евгения Ивановна проявила на партийной работе свою неуёмную энергию. Её уважали коллеги - работала она с душой, была искренней, прямой, умела

находить с людьми в любой аудитории общий язык. Сейчас Евгения Ивановна - секретарь Сургутского горкома КПСС.

Облик современного Сургута, все преобразования в районе - заслуга всего аппарата горкома партии. В сложной обстановке, когда к нам хлынул безудержный поток геологов, нефтяников, строителей, газовиков, когда им не хватало жилья и производственных баз, когда задания по добыче нефти, приросту запасов и ускорению сроков день ото дня возрастали, особенно ярко проявилась способность партийного комитета умело вести вперёд многотысячную армию сургутских коммунистов. Увлечённо работали заведующий орготделом ханты Виктор Захарович Хуланхов, инструкторы Анатолий Александрович Трофимов, Анатолий Васильевич Сазонов, Геннадий Михайлович Кашин, заведующая общим отделом Татьяна Николаевна Сибирцева, заведующий промышленным отделом Николай Кузьмич Молодыхов. Работали, учились на ошибках и успехах, вкладывали душу в дело.

Когда я пришёл работать в Нижневартовский горком партии, то столкнулся с молодыми кадрами. По решению обкома КПСС в 1970 году к нам были присланы два секретаря - Николай Яковлевич Токарев и Сергей Дмитриевич Великопольский, по образованию оба инженеры. Они были молоды, за работу брались с охотой, сознавали, что работать в Нижневартовске, где решалась судьба увеличения добычи нефти в нашей стране, для них большая честь. Тогда же пришли к нам Игорь Михайлович Сосновских, Анатолий Андреевич Грищенко, Владимир Михайлович Путилов, специалисты ведущих отраслей промышленности района. Опыта партийной работы у них, естественно, не было, а было только желание приносить пользу. Но одного желания мало, поэтому мы организовали учёбу аппарата. Молодёжь внимательно изучала и осваивала принципы партийной работы, стремилась во всем доходить до сути.

Николай Яковлевич Токарев, обладая большой эрудицией и исключительной скромностью, пользовался авторитетом среди нефтяников и строителей. Будучи специалистом-нефтяником, он квалифицированно решал вопросы развития, освоения и обустройства месторождений. Почти невозможно назвать участок работы, которого не коснулись бы руки Токарева.

В Нижневартовске есть дорога, которую называют «токаревской». И не случайно! Она появилась благодаря его энергичности и, я бы даже сказал, смелости. Произошло это так. Осенью очень «развезло» подъезды к двум автобазам - №№9 и 95. Поутру ни одна машина не смогла выехать из гаража. Буксуя в непролазной грязи и натужно ревя, они безуспешно пытались выбраться и задним ходом возвращались обратно. Люди были в растерянности. Тогда Николай Яковлевич собрал инженеров, руководителей автохозяйств и шофёров. Он сказал:

- Выход у нас только один: строительство дороги. И мы примемся за неё сегодня же, не откладывая ни на день, ни на час.

Сам Токарев стал прорабом и комиссаром стройки. Пропадал на ней сутками, порой забывая об отдыхе и еде. И в две недели без смет и проектов силами только автохозяйств дорога была проложена. Рождённая благодаря настойчивости секретаря горкома, она теперь носит - неофициально, правда, - его имя.

Сергей Дмитриевич Великопольский, заменивший меня в Нижневартовском горкоме партии, - очень трудолюбивый, энергичный, всегда внимателен к людям. Это стало отличительной чертой его работы. По инициативе Сергея Дмитриевича мы ввели добрую традицию - чествование передовиков прямо на производстве. Когда награждали бригаду Г.М. Левина, установившую всесоюзный рекорд, он собрал членов бюро горкома и поехал на буровую. Здесь, прямо на рабочем месте, Великопольский организовал импровизированный митинг, вы-

ступил сам, поздравил рекорсменов пятилетки, вручил награды. Такое долго не забывается.

По предложению Великопольского у нас проходят ежегодные слёты передовиков-женщин. На них собираются работницы всех отраслей народного хозяйства, делятся опытом, рассказывают о проблемах и вместе решают их. А когда каждой участнице слёта вручают по живой, благоуханной розе, - и это в условиях далёкого Севера! - они бывают тронуты до слёз. Придумка невелика, а эффект - я не о внешнем эффекте - значителен.

И ещё одну ценную, на мой взгляд, идею воплотил Великопольский вместе с Владимиром Дмитриевичем Салминим, вторым секретарём горкома. Когда строители опоясали Самотлор кольцом дороги, вдоль неё протянулись красные броские стелы, плакаты, стенды. На пути к Самотлору оживала история его освоения, на обратном - представало его будущее.

Сейчас и Сургут, и Нижневартовск остались для меня позади. Я счастлив, что прожитые годы накрепко связаны с нефтяным Севером. Здесь я учился быть нужным и полезным людям, осваивал новые науки - геологию нефти и газа, геофизику и сейсмологию, задачи и проблемы развития в наших условиях нефтяной и газовой промышленности, строительства. Мне нравилась моя работа, мне знакома радость признания людей. Несмотря на всё это, когда меня избрали первым секретарём Нижневартовского горкома партии, я сомневался, справлюсь ли. Многое было внове: требования, темпы, методы. Но постепенно Нижневартовск приучил к масштабности и объёмности, к миллионным и миллиардным цифрам добытых тонн нефти и газа, квадратных метров жилых и культурно-бытовых зданий. Он стал для меня большой, поистине неоценимой школой, обогатил опытом решения сложных задач.

Избрание меня первым секретарём окружкома партии было неожиданным. Когда Льва Ивановича Кудрявцева ЦК КПСС отозвал для работы в Министерство строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, встал вопрос, кем его заменить. Борис Евдокимович Щербина, первый секретарь обкома партии, собрал всех первых секретарей горкомов и райкомов нашего округа и предложил им назвать того, кто достоин выдвижения. Товарищи оказали мне доверие, и их мнение поддержали.

Я считал, что в мои пятьдесят с лишним лет мне оказывается большая честь возглавлять восемнадцатитысячную окружную партийную организацию. Но меня не покидало и чувство тревоги: справлюсь ли, хватит ли порошу в пороховницах. Ведь окружком - не райком, задач и функций у него много, и каждая важна, и ни одну не имею права упустить из поля зрения.

Всё первое время проводил в командировках. Нефтяные районы я знал хорошо, а вот остальные, где работают лесозаготовители, звероводы, рыбаки, - не очень. В это время как раз вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении передовиков сельского хозяйства. Я стал ездить вручать награды, а заодно знакомился с людьми и районами. Признаться, сильно удивлялся в душе поначалу: с чего это я решил, что только в Сургуте и Нижневартовске строились дома, дороги, аэродромы, речные порты. Жизнь всюду не стояла на месте. И я увидел рукотворные достижения, колоссальные изменения, произошедшие в сельскохозяйственных районах нашего округа. Они касались и экономики, и культуры, и быта.

Волновало меня и то, как отнесётся ко мне коллектив окружкома КПСС, о котором я слышал много добрых слов. Многих я знал по своей прежней работе. Я стремился и стремлюсь, чтобы новые коллеги почувствовали моё уважение к ним. Мне снова и снова приходилось работать над собой, просматривать

каждый день уйму газет и книг, чтобы всегда быть в курсе происходящих событий у нас в стране и за рубежом. Как же иначе я могу считать себя вправе предъявлять требования к другим? Словом, работа продолжалась, и я очень благодарен аппарату окружкома КПСС, который понял меня и с первых дней поддерживает.

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ, ДЕНЬ ЗАВТРАШНИЙ

Партийных работников не принято интервьюировать, задавать традиционно важный вопрос:

- Ваши планы на будущее?

А ведь планов у нас много, и один грандиознее другого. Вот в последней главе я и хочу вас познакомить с ними. Над чем работают жители округа сегодня, какие проблемы они решают, чтобы стал ясен наш будущий день?

Десять национальных округов насчитывается в РСФСР. Среди них Ханты-Мансийский уже занимает по объёму промышленного производства и количеству населения первое место. Дорога к нефти, которой мы пошли десять лет назад, преодолевая волей и мужеством встающие препятствия, и которой продолжаем шагать сегодня, привела нас к этому. Пришедший в округ расцвет экономики и культуры связан с нею. Новые города и посёлки, вставшие в тайге на месте болот и чащоб, выросли тоже благодаря ей. И стрелы нефтегазопроводов, широкие ленты дорог, ЛЭП, ГРЭС - также.

Теперь даже невозможно представить себе Ханты-Мансийский округ без нефти. Она явилась той живой водой, что возродила и обновила наш край. Надо сказать, ей и впредь суждено определять его развитие. Прошло четырнадцать лет с того не-

забываемого дня, когда бригада коммуниста Семёна Урусова получила первый фонтан сибирской нефти. Тогда встречались и скептики, и явно не верящие в возможность освоения северных месторождений. Но были и энтузиасты, противопоставившие им инженерный расчёт, коммунистическую убеждённость и партийную настойчивость. И время подтвердило их правоту.

Сегодня в Ханты-Мансийском национальном округе открыто 124 нефтяных и газовых месторождения. Многие из них считаются уникальными, крупнейшими не только в СССР, но и в мире. Один Самотлор может давать более ста миллионов тонн нефти в год.

Наш край по праву называют самым нефтяным в стране, а ведь мы совсем недавно начинали разработку запасов и вот уже вышли на первое место в стране по ежегодной добыче, обогнав в сравнительно короткий срок рекордсменку Татарию.

Из 147 миллионов тонн прироста добычи нефти, утверждённых XXIV съездом партии, 90 миллионов (или две трети) приходится на наш округ. Мы уверены, что эту задачу выполним досрочно и в 1975 году дадим более 140-145 миллионов тонн. Вот какие у нас рубежи! И они будут взяты, ибо сибирские нефтяники научились «ворочать» миллионами, и они нас теперь не пугают, они для нас - реальность и будничная работа. Но есть в наших буднях постоянная торжественная нота - устремление в завтра.

Наш округ - это сплошная строительная площадка. В развитие его экономики каждый год вкладывается свыше миллиарда рублей. За короткий срок протянулись стальные рельсы железных дорог Ивдель - Обь, Тавда - Сотник, Тюмень - Тобольск - Сургут, россыпью огней засветились современные города: Нижневартовск, Сургут, Урай, Нефтеюганск.

В 1965 году ЦК ВЛКСМ объявил весь комплекс работ по освоению нефтяных богатств Приобья Всесоюзной комсо-

мольско-молодёжной стройкой. Значение нового топливно-энергетического района для всей страны сделало эту стройку ударной №1.

Окружная партийная организация проводит работу по внедрению индустриальных методов строительства, ориентирует на самые современные требования в архитектурном оформлении городов, планировке речных портов и аэродромов.

Крупным событием для нас был приход первого поезда на Юганскую Обь. 3 декабря 1973 года стоял морозный солнечный день. У нового железнодорожного полотна собрались строители, нефтяники, партийные работники, секретари обкома КПСС Б.Е. Щербина, Г.П. Богомяков. Далеко разносились звуки оркестра. На забивку серебряного костыля приехал из Москвы редактор журнала «Юность», шефствующего над дорогой, Борис Полевой. Обстановка царила торжественная. Но когда окрестности огласил доселе неизвестный здесь гул железнодорожного состава, наверное, у всех, как и у меня, учащённо забилося сердце. Ещё бы: новая вершина взята!

До сих пор у нас остро стоит проблема добычи и переработки попутного газа. К сожалению, мы пока вынуждены сжигать его в факелах. В будущем в округе встанут мощные заводы по переработке 5-6 миллиардов кубометров газа в год. На одном лишь Нижневартовском заводе из газа намечено получать продукцию пятисот наименований. Газ нужен, как хлеб, и Сургутской ГРЭС, и будущему Тобольскому нефтехимическому комплексу. Однако заводы строят много субподрядных организаций, министерств, ведомств. Координировать их деятельность, требовать соблюдения сроков, создания нормальных бытовых условий для строителей - наши задачи.

С каждым днём расширяются горизонты геологоразведок на территории нашего округа. В этой пятилетке объём работ

должен увеличиться вдвое. Мы, партийные работники, стремимся уделять геологам максимум внимания, в каждой экспедиции создаём партийные группы, поощряем и распространяем передовой опыт. Ведь геологи прежде всего работают на будущее.

Нефть, газ, крупное промышленное строительство - новые отрасли в экономике округа. Мне в многочисленных беседах с иностранными делегациями зачастую приходилось слышать такой вопрос:

- Участвуют ли ваши коренные народности в освоении кладов их родного края?

- А как же, - отвечаю, - участвуют. Но их не так много.

В чём тут дело? Ведь есть же башкирский нефтяник, азербайджанский нефтяник, татарский нефтяник. Ну что ж, будущие хантыйские и мансийские нефтяники, я уверен, уже сидят за школьными партами. Для них открыты училища, техникум, институт, и находятся они не дальше Тюмени. Пройдёт всего несколько лет, и специалисты ханты, манси встанут к буровым станкам, будут вести сейсморазведку, операторский контроль. Пока же большая часть коренных народностей трудится в других отраслях, например, в лесной промышленности, рыболовстве и сельском хозяйстве.

Лес - украшение нашего края и его богатство. Его валят издавна. Раньше ручную, теперь же многие процессы механизированы. Но и сейчас остаются проблемы, одна из которых - переход от поставок круглого леса к изготовлению полуфабрикатов. Уже строятся Советский лесоперерабатывающий комбинат, Междуреченский и Южно-Кондинский лесозаводы. Объём переработки леса к концу пятилетки достигнет двух миллионов кубометров. Мы внедряем укрупнённые комплексные лесозаготовительные бригады и стремимся к введению вахтового метода в освоении отдалённых лесных

массивов. Это принесёт повышение производительности труда и улучшит использование техники, а также обеспечит более равномерную занятость рабочих в течение года. В 1973 году применение современных методов заготовки леса позволило перевыполнить задания по реализации продукции и росту производительности труда. Лесозаготовители округа достигли наивысшей в стране комплексной выработки на рабочего - 760 кубометров. Бригады Героев Социалистического Труда Николая Александровича Коурова и Павла Васильевича Попова установили всесоюзные рекорды по вывозке леса. Опыт работы этих передовых бригад одобрен ЦК КПСС, осенью 1974 года их поздравил с успехом Генеральный секретарь ЦК партии Л.И. Брежнев.

И ещё над одним важным делом работают партийные организации округа. Речь идёт о создании нормальных бытовых условий для лесозаготовителей. Мы стремимся, чтобы они не чувствовали себя на своих участках оторванными от «большой земли». К ним доставляют свежую почту, они слушают радио, для них строятся благоустроенное жильё, столовые, кинотеатры, магазины. Кое-где уже достигнут хороший уровень: на базе Малиновского и Комсомольского леспромхозов был проведён недавно Всесоюзный семинар по быту. Посёлок Малиновский с отличным спортивным комплексом, плавательным бассейном, теплицами, на грядках которых зреют овощи, чистыми улицами современных зданий поразил всех. ВЦСПС наградил коллектив за хорошую заботу о людях почётной грамотой.

Обычно куда бы ни приходили нефтяники, моментально в реках и озёрах порой полностью исчезала любая рыба. Мы решили этой печальной участи избежать. Каждый год у нас планируется увеличение уловов. Чем такое можно объяснить? А тем, что повсюду ведётся зарыбление водоёмов. Возможности

здесь огромные: в округе двадцать две тысячи рек и речушек и двадцать тысяч озёр. В них водится сорок видов рыб, из них восемнадцать промысловых, ценных.

Говоря о сельском хозяйстве нашего округа, нельзя не заметить, как далеко оно шагнуло вперёд. С древнейших времен ханты и манси умели только ловить рыбу и добывать зверей. Им было неизвестно, что на их родной земле можно выращивать овощи, а на заливных лугах пасти стада коров. Сейчас новые отрасли - животноводство, птицеводство, овощеводство, звероводство - активно развиваются. Мало кто знает, что в Ханты-Мансийском национальном округе успешно занимаются клеточным разведением норок и песцов. Причём звероводы благодаря науке научились получать норок разной окраски - от жемчужной до кремовой.

Рентабельны и оленеводческие совхозы Казымский и Саранпаульский. Эта традиционная отрасль даёт мясо и одежду для охотников, рыбаков и самих оленеводов. Олени и до сего дня - транспорт для них. Не единственный уже, но надёжный и привычный.

В сельском хозяйстве перед нами стоят задачи такого плана: ввести полную механизацию всех животноводческих ферм и птичников, довести поголовье коров до сорока тысяч (сейчас их девятнадцать тысяч), теплиц закрытого грунта - по одному квадратному метру на каждого жителя.

Триста семьдесят тысяч человек живут в Ханты-Мансийском округе - больше, чем в любом другом округе страны. И до сих пор поток приезжающих осваивать Север не прекратился. В наших условиях одним из главных факторов закрепления людей является быт. Он всегда был и остаётся в поле зрения окружной партийной организации. Что ни говори, а этот вопрос всюду стоит остро. Но мы никогда не обольщались такой отговоркой.

Вспоминаю, что когда строили Нижневартовск, участвовали пять главков, строили «пять городов». Трудно нам пришлось: то пермяки и иркутяне стали завозить дома устаревших конструкций, а нам хотелось возвести город современный и не похожий на другие, то вдруг строители дружно начали отказываться ставить школы, магазины, детские сады, клубы. Снова партийные работники убеждали и принимали меры. Мы дошли до Госстроя СССР, ЦК КПСС и своего добились.

Планы социального развития округа в девятой пятилетке тоже огромны. Достаточно сказать, что все северяне будут смотреть Центральное телевидение, расширится круг бытовых услуг, улучшится медицинское и торговое обслуживание, вырастет благосостояние трудящихся.

Наши планы - не сентиментальные мечты. Каждый день и час они трудом тысяч северян превращаются в реальность. Покорители Севера - главный его клад. И хотя встречались на моём пути трусы, рвачи и прочие, они, как говорят, не делали погоды. Сегодня вся страна гордится теми, кто создаёт Западно-Сибирский нефтяной комплекс. И я счастлив, что мне выпало жить и работать именно здесь и именно в эти годы.

СОДЕРЖАНИЕ

Вижу свой труд!	4
Почётная грамота	13
Пока не нашли нефть	20
Первый фонтан	23
Сургут растёт	32
Все флаги в гости!	40
Горноправдинск	47
Люди трудового подвига	51
От Ларьяка до Нижневартовска	61
По Нижневартовску	80
Молодость шагает впереди	86
Люди Самотлора	95
Мои коллеги	106
День сегодняшний, день завтрашний	112

ББК 63.3(2)63
Б 30

ISBN 978-5-8042-0409-0

Бахилов В.В.

Дорога к нефти / В.В. Бахилов. – Нижневартовск:

МБУ «Библиотечно-информационная система»:

Издатель ИП Халилова Е.В., 2015. - 120 с.

Книга издана при финансовой поддержке депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры Дейнеки Олега Александровича.

Василий Васильевич Бахилов

ДОРОГА К НЕФТИ

Подписано в печать 10.02.15г

Печать офсетная. Бумага офсетная 80гр/м2 Маэстро Принт 80гр/м2

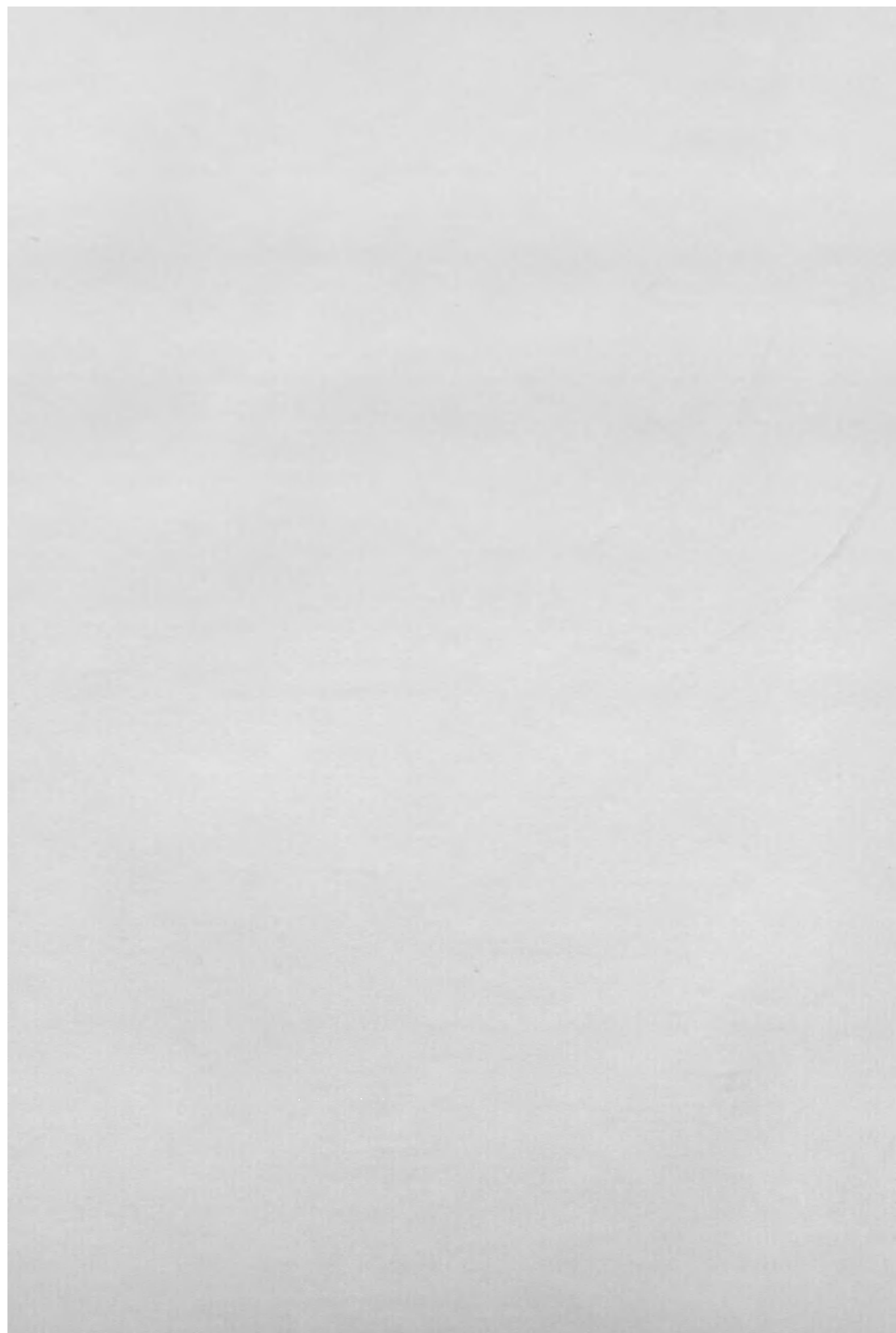
Формат 60*90 1/16. Усл.печ.л. 8,03.

Тираж 100 экз. Заказ 245364.

Отпечатано в типографии «Золотой тираж»

(ООО «Омскбланкиздат»)

644007, г.Омск, ул.Орджоникидзе, 34. Тел (3812) 212-111

1214,20

019 NIZNEPUBSTAK

4864171060

